МОСКВА

ИнтеллигенТ

Международная литературно-публицистическая газета. №6 (6), ноябрь 2011 г. http://provintelligent.ru, http://moscow.provintelligent.ru

Газета выходит ежемесячно. Контакты для участия и сотрудничества: dzina2011@mail.ru, provint.paschkov@yandex.ru

Маргарита Виталина

О себе: живу и работаю в Москве. Объездила весь мир, но лучше города не нашла. О своем творчестве: а впрочем, все, о чем бы ни писала, одним «люблю» могла бы заменить.

Автор сборника «Не исчезай...100 стихотворений о любви», Москва, изд-во АСТ, 2009 г.

В Москве тоже дождь...

В Москве тоже дождь - впрочем,
что тебе дождь - ты в машине,
А я вперебежку по лужам,
опять без зонта.
А помнишь, ты как-то сказал:
“На ветру сердце стынет”?
А я усмехнулась:
“Твое - ледяное всегда”.
Не Герда, конечно, я,
сколько б на грудь мне не плакать,
Твою не пробить, не разжалобить,
не растопить...
Шагаю к метро, и плевать мне
на мерзкую слякоть:
Улыбка в кармане -
достану слегка пригубить...
Достала...да ну её к чёрту! –
ведь тоже промокнет,
Обратно сую - отлежится пускай
до поры...
А знаешь, любимый мой,
мальчик ты мой одинокий,
Что прячу свою я корону
под слой мишуры?
В Москве снова дождь...

Замороженное счастье

Вкус поцелуя мерзнет на губах
забытое тепло хранят ладони
на дне бокала тонкой льдинкой тонет
зимы последней нашей благодать

Еще метелям грозно бушевать
стонать подушке долгими ночами
под Петербургом соснам укрывать
снегами белыми свои печали

Москва солжет с рассветом, как всегда
расскажет, что она слезам не верит
в спам занесет еще одну потерю
и заморозит счастье на губах

Две любви

Мне так бы хотелось назвать
тебя единственным!
Очень хотелось бы, но это - ложь.
Знай же: две любви в сердце
моем прописаны -
Ты - первый, конечно,
а второй - дождь.

Ни с одним из вас нет
у меня взаимности.
Ты или занят, иль просто лжешь.
И даже дождь,
побродив со мной, поселился
Навечно в городе, где ты живешь...

Алексей Борычев

Член Союза писателей России.

Публиковал стихи в журналах «Юность», «Московский вестник», «Вестник российской литературы», в «Литературной газете», «Российском писателе», «Московском литераторе», «Дне литературы» и др.

В интернете - в ЛИТО «Точка. Зрения», журнале «Новая литература», альманахе «Снежный ком», «Ликбез», «45-параллель», «Поэзия.ру» и др.

Осенние вариации

Песком золотым сквозь небесное сито
На Землю осыпалась осень
И небо – до звона покоем разбито –
Ударами гулкими оземь.

Оно, рассыпаясь на тысячи лужиц,
Пронзило уснувшие чащи
Острейшей стрелою ноябрьской стужи
И снегом, печалью блестящим.

Избушка лесничего, старясь, ветшая,
Неспешно отправилась в вечность.
Никто в этом странствии ей не мешает.
Скребутся лишь мыши за печкой...

Блуждая по первому снегу, по бликам –
По огненным пятнам – увидишь:
Гуляет былого двойник бледноликий.
К нему не захочешь, да выйдешь...

Леса и сады улыбаются грустно
Багряной густой тишиною.

Молчание – это, конечно, искусство –
Почувствовать осень живою

Осенний фрегат

Небесным лоцманом ведомый
В цветную бухту сентября,
Корабль осенних окоёмов
В туманы бросил якоря.

На мачтах корабельных сосен
Качнулся парус облаков
Фрегата под названьем «Осень»,
Плывущего в простор веков.

...А утром якоря подняли,
И, разрезая гладь времён,
Поплыл в тоскующие дали,
Сливаясь с призраками, он,

Пройдя все зимы и все вёсны,
Вернётся в гавань сентября,
И эти мачты, эти сосны –
Спалит прощальная заря...

Свет ноября

Отражённый стеною скучающих дней
И пропитанный дрожью иных измерений,
Горний свет ноября – ты,
как память, во мне
Сфокусирован зеркалом
ярких мгновений.

Угасанье твоё – не прошедшего тьма
И не сумрак грядущего времени злого.
Просто скоро на окнах узором зима...
Просто кем-то забыто заветное слово...

На устах тишина, и на сердце – вина.
Золотая обитель давно опустела.
Бесконечность, и та – бесконечно одна.
Для другой – декабри
расставляют пределы.

Гость номера

С «Калевалой» в душе

Поводом к подготовке материала послужило грядущее 210-летие Великого финского фольклориста и поэта Элиаса Леннрота, творчество которого глубже всех в России исследовал наш признанный современник – поэт и ученый Армас Мишин, представитель коренного народа Отечества. (Псевдонимы: на русском языке Олег Мишин, на финском – Армас Хийри). Читателям газеты «ПИ 1» уже известно о первых древних народах Республики Карелия. Часть из них представлена финнами. В мире финны проживают в основном на трех континентах: в Европе, Азии и Америке. По переписи населения в 1989 году численность финнов в Российской Федерации составляла 47,1 тысяч. чел., в т.ч. в Карелии - 18,4 тыс. чел., в Санкт-Петербурге – 5,5 тыс. чел. В Финляндии проживает 4,6 млн. чел. В США – 300 тыс. чел. Канаде – 52 тыс. чел. Швеции - 300 тыс. чел. Норвегии - 20 тыс. чел. Эстонии - 16,6 тыс. чел. В Украине – свыше 1 тыс. чел. В Казахстане - свыше 1 тыс. чел. В 2002 г. численность финнов в Карелии - 14,3 тыс. чел. (2% от всего населения).

«…Финское племя, вас поглотило пространство и время…»

Жизнь тысяч поколений финнов трансформировалась от трудной до озаренной талантом у многих их потомков. Их история начинается с дохристианских времен древних прибалтийско-финских племен, появившихся во втором тысячелетии до н.э. на территории современной Финляндии и заселивших ее большую часть в 8-м веке. Финский этнос сложился от племен сумь (суоми) и емь (хяме), позже в его состав вошла часть карел. В «Истории государства Российского» Н.М.Карамзин писал про дружелюбных и трудолюбивых финнов: «Сей народ, древний и многочисленный, не имел историка, ибо никогда не славился победами. Не отнимал чужих земель». Однако, героизм и патриотизм российских финнов особо проявился в XX веке в период Великой Отечественной войны. Тогда многие добровольцы и призывники, защищая Ленинградскую землю и Ленинград, погибли в первые месяцы, а Петр Абрамович Тигилайнен посмертно награжден орденом Ленина и золотой звездой Героя Советского Союза.

По историческим судьбам и местам обитания самую многочисленную группу среди финнов России составляют финны-ингерманландцы. Это – не национальность, а характеристика территориальной принадлежности финнов, жителей Инкери, получившей и видоизмененное шведское название – Ингерманландия, по-русски называемой Ижорской землей, охватывающей южное побережье Финского залива Балтийского моря и Карельский перешеек. На территории Ингрии финны появились в основном после 1617 года, когда эти земли по условиям Столбовского мира, заключённого между Швецией и Россией, отошли почти на 100 лет к Швеции, в состав которой входила в то время Финляндия. Там евангелическо-лютеранская церковь Ингрии отстаяла старое название «Инкери». Надо отметить, что часть финского поселения существовала здесь с 14 века, после заключения Шлиссербургского (Ореховецкого) мирного договора. Иначе относились к названию «Ингерманландия» в России. После возвращения этих земель Пётр Великий, как и последующие престолонаследники широко использовали это название. Здесь на территории одной из восьми губерний, образованных Петром Великим, Ингерманландии, строилась новая столица многонационального Российского государства – Санкт-Петербург. Это событие увековечил Великий Пушкин:

По мшистым, топким берегам
Чернели избы здесь и там.
Приют убогого чухонца;
И лес, неведомый лучам
В тумане спрятанного солнца,
Кругом шумел…
Где прежде финский рыболов,
Печальный пасынок природы,
Один у низких берегов
Бросал в неведомые воды
Свой ветхий невод,
Ныне там по оживленным берегам
Громады стройные теснятся
Дворцов и башен…

По переписи 1897 года финноязычное население Санкт-Петербургской губернии насчитывало 210 тысяч человек. В 1926 году 153 тысячи человек называли финский язык в качестве родного. При воспоминании 30-50 гг. XX века, история страны вызывает замирание сердца у потомков разных народов, живших в те тягостные годы. До сих пор ощущают эту боль и грядущие поколения так называемых «неблагонадежных» репрессированных ингерманландских финнов. О многом говорит и мне история ингерманландского народа потому, что самые близкие люди моей семьи и многочисленные финские родственники пережили трагедию. Со мной в детстве об этом не говорили. Вспоминаю отдельные мамины фразы: «В жизни больше плохого, чем хорошего», «Никому не говори и не верь, что твой дедушка был врагом народа». И только, когда я училась в школе, мы получили письма о посмертной реабилитации невиновных моего дедушки и дяди. Пусть это произошло поздно, но нам – их потомкам стало легче жить, благодаря этому официальному признанию. Свою боль Армас Мишин отразил во многих поэтических произведениях как на русском, так и на финском языках. Вот одно из них:

Ингерманландцы! Мои земляки,
Древнего семени финское племя,
Вас поглотило пространство и время,
Страны чужие и материки.
Родина все-таки в сердце жива,
Тянет отечество силой земною.
Вечны родного наречья слова,
Всюду с тобой они и со мною.
Песнь колыбельную вьюга поет,
Песни качельные лето приносит.
Щедро бросает на кочки болот
Сладкой морошки янтарную россыпь.
Как ты прекрасна и как ты скромна!
Встреча с тобою – невольные слезы.
Ингерманландия. Инкеринмаа –
В сини холмистой ольха да береза.

Так мог написать человек, оторванный от Родины и переживший перепетии, описанные в книгах Леонида Гильди - доцента Российского педагогического института им. А.И. Герцена, свидетеля и исследователя трагедии ингерманландских финнов; в книге Георгия Рехколайнена – кандидата наук, работавшего в Карельском филиале АН СССР; в многочисленных статьях карельского литературно-художественного журнала «Север»; очерке Арви Буланова, напечатанного в пяти номерах газеты «Невская Заря» в июле 1991 г.; в книге трех современных историков-исследователей из университетов г. Петрозаводска и г. Йоэнсуу Сергея Веригина, Эйнара Лайдинена, Юсси Кямяряйнена «Заложники зимней войны».

«Мне те родней, кому трудней…»

Многие петрозаводчане часто видят этого человека, идущего на работу в сторону озера – высокий стройный, голубоглазый, деликатный с посеребренной головой, на лице – печать свободы и мудрости. Я с ним познакомилась как с Олегом Мишиным, чье творчество известно и в России и за ее пределами. Оказалось, знаю его давно. Тогда в июньский солнечный День поэзии Севера, проводимый в центре Кондопожского района в 1970 году, познакомилась с его стихами. Помню, что сцена для поэтов была сооружена из грузовика с опущенными бортами, вся площадь заполнена сотнями горожан, пришедших на встречу со знаменитостями – любимыми поэтами Карелии и СССР. Я была с тетей из Ленинграда, умевшей ценить доброе и прекрасное. Стихи выступающих наполнили наши души. С радостью купили сборник «День поэзии Севера 1970». Дома перечитали многое, запомнившееся правдивостью и душевностью. И только через несколько десятилетий в 1998 году воочию мы познакомились в Петрозаводском Доме сестринского ухода, когда для находящихся в нем был организован вечер встречи с известным карельским поэтом Олегом Мишиным, часто публикующимся в журнале «Север». Уже тогда он стал известен как поэт, прозаик, литературовед, критик, переводчик, член Союза писателей СССР. Армас Иосифович пришел со своей супругой – Ольгой Федоровной - учительницей с литературной душой (ею издано 7 книг на карельском и русском языках). Увидев, как лектор дарит свои книги и, заметив название одной из них «Песнь ингерманландца», я сразу призналась: «Моей маме было бы очень интересно Вас послушать, она тоже – ингерманландка». С тех пор у нас дома эта книга с подписью автора для мамы: «Хильме Ивановне с пожеланием неизменного счастья».

«Весомость слов простых…»

Армас Мишин, благодаря полувековому творчеству, стал одним из знаковых поэтов Карелии. Редактор республиканского журнала «Karelia» Роберт Коломайнен заметил, что выводы профессиональной судьбы поэта изучены и изложены в фундаментальном труде «История литературы Карелии» за 1997 и 2000 годы. Армас Иосифович – человек публичный, кандидат филологических наук, исследователь финской, карельской, вепсской и русской литературы Карелии, а также финноязычной и шведоязычной литературы Финляндии. Он обращается к творчеству многих писателей: Тайсто Сумманен, Ульяс Викстрем, Тобиас Гуттари, Николай Лайне, Якко Ругоев, Ортье Степанов, Владимир Брендоев, Павел Лукин, Николай Абрамов, Нина Зайцева, Дмитрий Гусаров, Федор Трофимов, Виктор Пулькин. С 1990 по 2004 гг. избирался Председателем Правления Союза писателей Карелии. Был одним из организаторов и сопредседателей Международного конгресса финно-угорских писателей. Является иностранным членом «Общества финской литературы» и «Общества «Калевала» (Финляндия). За свою трудовую деятельность поэт получил звания Заслуженного работника культуры России и Карелии, награжден государственной премией имени великого народного певца Севера Архиппы Перттунена, премией Главы Правительства Республики Карелия «Сампо», орденом «Дружбы».

Изучая ингерманландскую народную поэзию, Армас Мишин пришел к созданию монооперы о жизни сказительницы Ларин Параске, родившейся в Ингерманландии. Об этом этапе творчества ученого журналист Андрей Жуков опубликовал в республиканской газете «Курьер Карелии» за 21.01 2004 года очерк «Песнь свирели» о триумфе поставленной в Финляндии камерной монооперы «Тросниковая свирель» карельских авторов – композитора Бориса Напреева и создателя сценария и либретто поэта Армаса Мишина. Зрителей покорило творчество режиссера Ханнелле Марти Мартикайнен, исполнительницы главной роли - контральто Ээвы Каарины Вилке, музыкантов оркестра студенческого землячества под управлением дирижера Пекки Хаапасало. Опера звучала на сценах Турку, Йоэнсуу, Хельсинки с большим успехом, что отразил журналист крупнейшей газеты Финляндии «Хельсингин саномат» Самули Тийккая. Андрей Жуков обратил внимание на то, что на родине создателей опера звучала всего один раз в концертном, а не в сценическом исполнении. А должна была бы быть поставлена на сцене музыкального театра Петрозаводска.

Судьба постепенно вела кандидатов наук поэта А. Мишина и его коллегу фольклориста Э. Киуру к переводу сокровищницы мировой поэзии - эпоса «Калевала», созданного по материалам народной поэзии великим творцом Элиасом Леннротом. Этому предшествовал опыт перевода народной финской и карельской поэзии - песен сказительницы Ларин Параске и рода рунопевца Архиппы Пертунена («Рода нашего напевы», 1985г.) Значение эпоса настолько велико, что его ставят рядом с «Илиадой» и «Одиссеей» Гомера. О великолепии нового издания эпоса жители республики узнали из интервью «Русские «Калевалы» Армаса Мишина», которое вел в республиканской газете «Карелия» от 05.08.2010 г. поэт и журналист Александр Валентик. Поводом послужило рождение двухтомного издания эпоса «Калевала» в переводе А. Мишина и Э. Киуру в Санкт-Петербургском издательстве «Вита Ново» в серии «Библиотека всемирного клуба петербуржцев». Новизна фолианта уникальна. Впервые для российского читателя издана «Калевала» с именем Элиаса Леннрота как автора эпоса, а не собирателя рун и их составителя. Это крупнейшее открытие ученого-литературоведа. Известный финский поэт Эйно Лейно называл лиро-эпическую поэму Элиаса Леннрота «Калевала» «Грёза великого поэта».

Сопряжено с исследованием «Калевалы» А. Мишиным творчество иллюстраторов, сотрудничавших с ним: Тамары Юфа, применившей этнографический колорит с фантастическими представлениями о героях эпоса и красоте северной природы. Особый эклектический стиль авангардного лубка, сочетающегося с примитивизмом, сюр, абстракцией, использовал Владимир Фомин - художник, почитаемый во многих странах. В новом издании «Калевалы» 56 иллюстраций выполнены известным петербургским графиком Юрием Люкшиным, с необычной миксовой системой изобразительных средств, что помогло творцу создать свой оригинальный стиль, вобравший в себя традиции иконописи, народной картинки и лубка.

Творческие перекрестки оказались для Армаса Иосифовича связанными с драматургией и музыкой благодаря композиторам: Борису Напрееву, Николаю Мишукову, Анастасии Сало, Виктории Сергеенко, Евгению Шорохову, Лидии Любимовой, Александру Белобородову. Многие стихи стали песнями. Созданы необычные оперы на сюжеты классических и фольклорных произведений: «Песнь о пламенном цветке», «Стрела девы Похьелы» и для детей «В лес отправился мышонок». Родилось собрание монооперы: «Здравствуй, Калевала», «Струн волшебных звон», «Куллерво», «Калевала»; «Kulduneidoi» («Золотая дева»), премьера которой состоялась летом 2011 г. в Петрозаводской консерватории им. А.К. Глазунова.

Современное поколение должно знать, что полный текст эпоса переводился на русский язык трижды: Леонидом Бельским, Эдуардом Гранстремом, Армасом Мишиным и Эйно Киуру. Причем перевод Л. Бельского (доцента Московского университета) был отмечен малой Пушкинской премией. Карельскими авторами исследованы и переведены 5 разных вариантов эпоса (этапов развития сюжета), созданного Элиасом Леннротом. В 6-летней подготовке последних пяти изданий «Калевалы» на двух языках авторы А. Мишин и Э. Киуру почувствовали необходимость более точного перевода по нескольким причинам, из которых важные: изменение языка народов со временем, неточность раскрытия этнических особенностей менталитета финнов и карелов предыдущих поколений. Поэтому наши земляки проявили определенную смелость, напечатав перевод рядом с оригиналом.

К счастью, читатели и авторы «ПИ 1» и трех дочерних изданий «Интеллигент» тоже испытали такие же чувства и использовали такой же метод во время фестиваля переводов, организованного в газете. В престижном Лондонском фестивале 2011 г. «Пушкин в Британии» использован этот же метод перевода. Наши талантливые авторы «ПИ 1» - Ирина Акс из США и Наталья Крофтс из Австралии стали призерами поэтических турниров в разных номинациях. Так же, как ас перевода Армас Мишин, член жюри фестиваля «Пушкин в Британии» - Генеральный директор Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино, вице-президент международной федерации библиотек (IFLA) Екатерина Гениева, озаренная интуицией, став профессиональным переводчиком, выявила более точную «почтовую лошадь просвещения» произведений Пушкина на английском языке у В.В. Рогова – преподавателя МГУ, по сравнению с «драгоманом» литературного изыска С. Маршаком. Эти события достойно освещены в августовском издании «Интеллигент» Санкт-Петербург этого года.

Большую ценность представляют переводы Армаса Мишина на финский язык произведений Г.Р. Державина, А.С. Пушкина, Е.А. Баратынского, Ф.И. Тютчева, А.А. Блока, О.Э. Мандельштама, С.А. Есенина, Н.С. Гумилева, И. Северянина, А.Т. Твардовского и других, где Армас Иосифович сохранил поэтический стиль, рифму авторов вопреки многим зарубежным переводчикам, применявшим свободные стихи. Уникально также первое издание «Хрестоматии по финноязычной литературе» для учащихся старших классов школ, разработанное педагогом и ученым Армасом Мишиным.

Не могу промолчать про одного из наших авторов – блистательную Наталью Лайдинен, публикующую свои работы в «ПИ 1» - талантливого журналиста, поэта, прозаика, драматурга, кандидата наук, обладателя многих литературных премий. Ей удалось взять роскошное интервью у Армаса Мишина в 2009 году. Наталья так разговорила его, что создался для наших современников и потомков образ одного из благородных, с божьей искрой филолога России, родившегося на земле Инкери, счастливое творчество которого позволило подняться над трагедией ингерманландцев, не забыть народное горе, полностью раскрыть личный божественный талант ради современников и будущих поколений.

Продолжение на стр.3

Гость номера

Продолжение. Начало на стр.2

«Я стою посреди мирозданья…»

Первые стихи Армас написал по-русски в начале 50 г. ушедшего века. Это естественное движение души точно определил автор многих публикаций в «ПИ 1» - писатель и поэт Марк Луцкой из Израиля: «Творческое удовлетворение - одна из основных потребностей человека». Несмотря на поиски, подросток Армас Хийри не смог найти документов, подтверждающих фамилию отца «Мышин». А мать не смогла правильно по-русски произнести перевод финской фамилии, поэтому с детства его фамилия была Мишин. Между прочим, и моя мама говорила всю жизнь с финским акцентом, хотя ее родной брат Иван правильно говорил по-русски. Я в этом вижу, наверное, особый смысл. Ведь призвание женщины в мире – сохранять для жизни лучшее. А язык народа, его интонации и произношение это - как знамя для полка, должно жить вечно. Вот ощущения родного языка А. Мишиным:

О, музыка родного языка,
Ласкающая слух мне с колыбели,
Летящая ко мне издалека,
Из недр веков, сквозь ливни и метели.
Мне предки позабытые мои,
Язык свой, умирая, завещали.
В нем шум листвы
и плеск речной струи,
Все радости мои и все печали.
Шепчу два слова: aiti, kotimaa –
И вижу мать, и вижу край родимый,
И блещет лето, и метет зима,
И машет осень красною рябиной.

Радость встречи с родным языком Армас Иосифович испытал в Карелии, куда вместе с матерью приехал в 1949 году из Омска - места переселения. В Петрозаводске финский язык изучали во всех средних и высших учебных заведениях, хотя в 1956 году его преподавание прервалось на несколько лет. Издавались национальные газеты, журналы, книги. Работал финский театр. В Петрозаводском госуниверситете готовили национальные кадры. На предприятиях, в руководстве и управлении республики зазвучали финские фамилии. А самое главное, в Карелию стали приезжать многие ингерманландцы. Позже в Карелии активно идет воссоздание культуры финнов ярчайшей мужской вокальной группой «Манок» под руководством М. Нокелайнена и А. Лехмуса, потрясающим хореографом Виолеттой Генриховной Мальми при организации ансамблей ингерманландских песен и танцев, «Карельской горницы». Созданы ингерманландский союз финнов Карелии и при нем - академический хор «Инкери», исполняющий национальные народные песни и духовные, классические современные музыкальные произведения. Известен в России и за рубежом Национальный ансамбль песни и танца Карелии «Кантеле», репертуар которого богат перлами ингерманландской культуры. Изучали финский язык в 2006 году 5600 школьников в 56 школах, в 2010 г. 3953 учащихся - в 31 школе. Директор НИИЯЛИ Карельского научного Центра РАН Ирма Муллонен – один из главных организаторов 1Х конгресса этнографов и антропологов России, проведенного в Петрозаводске в июле 2011 г., подчеркнула, что суть оптимизирующей национальной политики Карелии - в необходимости сохранения и развития языков национальных меньшинств, поскольку их ассимиляция приведет к утрате национальной самобытности России.

Во время приезда в Карелию семьи Хийри еще чувствовался холодок, организуемый НКВД. Армаса не приняли в медицинское училище, где он страстно хотел учиться. Но дальнейшая судьба его сложилась счастливо и в личном и профессиональном смысле. Став ученым-филологом, Армас Мишин создал более 30 книг, из них 20 - стихотворных, 7 - написаны на финском языке. Его перо родило сотни научных исследований, литературно-критических статей. Создано 6 опер в содружестве с музыкантами. А мечту стать врачом реализовал его сын. Так Карелия стала второй Родиной Армаса Мишина, сказавшего о себе, что он - финн по крови, духом - россиянин. Достигнуть такую творческую судьбу Армасу Иосифовичу помогло трудолюбие, талантливость и даже… чувство юмора, которое прослеживается в книге короткой прозы «И то правда». Все это помогло нашему земляку Армасу Мишину стать одним из авторов текста Государственного гимна Республики Карелия на двух языках: русском (совместно с поэтом Иваном Костиным) и финском. На днях Армас Иосифович награжден званием «Народный писатель Республики Карелия».

Надеемся, что труды Армаса Мишина будут достоянием создающегося по утверждению Натальи Гениной Государственного Института Переводов как достойное признание одного из коренных народов России.

Хильма ПОРАЛЬ

Моя Мяунджа

У большинства людей, проживающих в центральных районах России, при слове Магадан воображение рисует Богом забытое место, находящееся «у черта на куличках», где ужасно холодно. А ведь Магадан – это столица Колымы. А что же тогда говорить о небольших поселках, расположенных на трассе, которая соединяет Магадан с ними. Есть ли там жизнь? Многие скажут, если и есть, то наверняка это сплошная скука и рутина? Дом, работа, работа, дом. Но так думают лишь те, кто не бывал в колымской глубинке и не видел эту жизнь собственными глазами.

Моя малая Родина Мяунджа– один из самых отдаленных поселков Магаданской области. Согласитесь, название оригинальное и мелодичное. Первые два слога «мяу» нежно ласкают слух, напоминая любимого кота, сочетание твердых согласных «нд» придает имени поселка резкость и значимость, а последнее «жа» производит впечатление легкого шипения. Слово Мяунджа такое же загадочное и необыкновенное, как и сам Колымский край и я всегда произношу его с любовью и гордостью. Оторванности от «цивилизации» не чувствую, мне здесь хорошо и спокойно. Когда возвращаешься из отпуска, едешь по заснеженной дороге, с трепетом ожидая момента, когда вдалеке появится дымовая труба АрГРЭС (Аркагалинской Государственной Районной электрической станции). Часто едешь глубокой ночью, и вот усталый взгляд устремляется к красным огонькам трубы, которая является для нашего поселка символом тепла, света и жизни… Ведь именно благодаря ей, введенной в эксплуатацию еще в 1954 году, в этом укромном северном уголке жизнь забила ключом. Именно на ее строительство приехали первые специалисты, для которых был построен поселок городского типа.

Нас встречают разноцветные дома, Правда, так было не всегда, в 90-е поселок находился в упадке. Многие люди покинули поселок, который с трудом уцелел в перестроечных бурях.

Но сегодня все переменилось к лучшему. Поселок процветает, приезжают новые люди и образуются новые семьи. Очень часто молодые мамочки гуляют с колясками и летом и весной и даже в теплые зимние дни. Они могут полюбоваться стоящими в инее деревьями, он играет в лучах солнца, создавая ощущение сказки.

А как прекрасно утро в зимний рабочий день - темное, похожее на ночь, подсвеченное яркими огнями фонарей, оттененное белоснежными деревьями, наполненное трескучим морозным воздухом. На главную площадь подъезжают автобусы, чтобы отвезти людей на работу. Дополняет картинку белый пар из выхлопных труб автобусов и машин…

Ночная Мяунджа. Она вряд ли сравнится с ночной Москвой. Но в ней есть своя провинциальная прелесть. Все улицы освещены разноцветными фонарями, разных форм и размеров. Под их светом искрится белый снег, на нем играют тени. Появляется ощущение эфемерности окружающей картины. А когда идет крупный пушистый снег, в свете фонаря, кажется, что летят тысячи бабочек…

Символом возрождения поселка для меня являются молодые родители, каждое утро ведущие ведут своих чад в детский сад. Кто на санках, кто за ручку. Все детишки милые, укутанные в сто одежек, чтобы не замерзнуть, с шарфами на лице…

Еще с детства помню, как с папой ходила на каток смотреть хоккейные матчи. Шум, крики, свистки, трибуны дрожат, но чувствуешь такой сильный командный дух, всей душой болеешь за крохотные фигуры спортсменов на ледовом поле, которые с молниеносной скоростью мчатся за маленькой черной точкой…

Каждый Новый год елка, поставленная на главной площади, создает настоящее настроение праздника. Особенно вечером, когда возвращаешься домой, и она подмигивает тебе своими веселыми огнями…

Весна – пора, когда открывается лыжный сезон. Для него специально готовится лыжня. В выходные дни на нее выходит вереница лыжников кто до первого, а кто до второго костра, именно так называют наши жители места отдыха на лыжне. Поклонников лыж очень просто узнать по смуглым, от загара лицам…

Начало лета. Пора выпускных вечеров. Выпускники совершают круг почета: на главной площади поселка в воздушных вечерних платьях кружатся вчерашние школьницы, с шумом открывается шампанское, слышится радостный смех, у кого-то выступают слезы при мысли о скором расставании...

Лето. Утро. 8:00. Дети из лагеря «Энергетик» со своими вожатыми и воспитателями отправляются туда на завтрак в станционную столовую. Кажется, уже отсюда чувствуешь, манящий запах свежеиспеченной булочки и свежесваренного какао.…

Лета как всегда оказалось мало. Незаметно приходит 1 сентября. Обычно, это солнечный теплый день. Возле желто-синей школы выстраивается торжественная линейка. В первых рядах первоклассники: серьезные лица, большие букеты цветов для первой учительницы, белые банты, огромные ранцы, ясные блестящие глаза…

Ранняя осень. Собираем урожай. В выходные все в тайге. У каждого свое особенное место, богатое брусникой, или голубикой, а возможно горной смородиной, или шампиньонами, опятами, маслятами…

Свадьбы у нас играют во все времена года. И традиционно два дня «гудят» в банкетном зале поселкового общежития. Его жильцы относятся к этому событию с пониманием…

В переводе с эвенского Мяунджа означает «Большое сердце» (в некоторых источниках «Медвежье сердце»). Это название очень точно характеризует жителей поселка. Их немного, всего около 2000 человек. Но все они сильно отличаются от жителей больших городов. Они открыты, искренни, душевны, свободны в проявлении чувств. Рассказывать можно почти о каждом. Север оставил в их душах свой особый отпечаток самобытности, открытости и свободолюбия…

Такая вот жизнь в колымской глубинке. О Мяундже я могу говорить бесконечно долго. Многие хотят быть частью чего-то масштабного. Стесняются признаться, что они из провинции. Если родились в какой-нибудь подмосковной деревне, говорят, что в Москве, в каком-нибудь краснодарском селе, говорят, что из Краснодара и так далее, таких примеров множество. А я горжусь, что родилась и росла на Колыме, в маленьком, но по-своему прекрасном поселке Мяунджа. Куда бы ни забросила меня жизнь, я буду помнить свою малую Родину, иногда скучать по моей дорогой Мяундже, где я провела самые счастливые, самые беззаботные годы своей жизни…

Ольга Королева

Санкт-Петербург, Россия

Родилась в 1966 году в Ленинграде. В 1989 году закончила Ленинградский Политехнический институт. После окончания института работала в НИИ, потом длительное время занималась своими двумя детьми. Сейчас работаю в строительной фирме.

Осенние сумерки

Сквозь сито глянцевых иголок
Медовый свет течет во мхи,
Окрашивая стертый войлок
Тропинки у корней ольхи.

Из мглы трущобы, где зевота
Проникла в каждый уголок,
Сюда – на светлый край болота
Несутся стрекоты сорок.

Сшивая мох, листву и сучья,
Чтоб греть колени и бока,
Весь вечер с солнца нить паучью
Цепляет Леший, как с клубка.

До клича майского кукушки,
Заткав проплешины травой,
Он пнем прикинется – макушкой
Уйдя под полог снеговой.

Но если к бархатной поземке
Он не успеет спрятать рук –
В кустах останется негромкий
Обледенелых веток стук...

В эту мокрую осень...

В эту в мокрую осень я ждать
не устала чудес.
Мы слепые надежды
с бездомной собакою делим.
По размытым тропинкам
в набухший потемками лес
Мы идем, словно в розовый,
кем-то покинутый, терем.

И собака бежит,
настороженно нюхая лист;
Упоенно фырчит, и пытается
что-то расслышать.
За дощатым мостом бурелом
над тропою повис,
Цепью вложенных арок скрываясь
в студеном затишье.

За речною запрудой в траве
мы нашли водопад.
День и ночь он негромко звенит
потерявшейся песней.
К ней из плена густых облаков
просочился закат,
И лучи заискрились на вымокших
кочках полесья.

Незаметно темнеет,
и вкрадчивый дождь ледяной
Начинает стучать по кустам
и осиновой прели.
Мы напали на солнечный след,
и шагаем домой
Вдоль каймы берегов, и теряемся
в сумраке елей.

Зимний лист

На склоне дня, пройдя кленовый скверик,
Пустых ветвей касаясь на ходу,
Я снова выхожу на плоский берег,
К темнеющему медленно пруду.
Почти неразличима на тропинке,
Промерзшая листва шуршит во мгле;
И близорукой ощупью снежинки
Впервые приближаются к земле.

Как в том году, поодаль от качелей,
Засыпана листвой и смотрит в пруд
Скамья, где мы до сумерек сидели,
Когда прошли обычный наш маршрут.
Давно твой приговор смягчило время.
Теперь я удивляюсь, что снежок,
Озвучив тишину словами теми,
Скользит, не задевая мой ожог...

А завтра затуманит воздух стужа,
Закатывая солнце в снежный ком;
И юный клен начнет дрожать натужно
От ветра, налетевшего рывком.
Я, будто тот, не сорванный ненастьем,
Насквозь прожженный солнцем
черный лист,
Отдавший все за горе, как за счастье –
За этот приближающийся свист.

Ольга Грушевская
(Стефания Солис)

Прозаик, переводчик. Родилась и живет в Москве. Окончила МГПУ им. В. И. Ленина, факультет английского языка; МосГу, факультет психологии. В 2006 году вышел первый сборник рассказов и повестей «Лента Мёбиуса». Печаталась в журналах «Разумный мир» (Москва), «Цолкер» (Ереван), в альманахах «Не случайные встречи» (М., 2010), «Секрет» (Израиль, 2010), в сборниках современной московской прозы «Время московское» (2007), «Московский Дом», в журнале «Московский BAZAR». В 2008-2011гг. возглавляла Редакционную и Судейскую Коллегии МСП «Новый Современник». Руководитель проекта «Моссалит».

В это лето мне дарили ирисы

Фиолетово-розовые ирисы были подобны искусственными и казались восковыми в сливовом тряпично-бархатном обрамлении. Прямолинейность стеблей по задумке природы переходила в капризные изгибы с тугими свечкам фиолетовых бутонов и уже распустившихся жеманно-томных цветков с ярко-белыми лепестками.

В это лето мне дарили ирисы.

Расставляя по вазам цветы, я ощущала их странный малознакомый мне запах и на губах кисловато-ванильный привкус.

«Ах, какая изысканность - эти ваши ирисы», - послышался шепот у меня за спиной. Я испуганно обернулась, но в комнате никого не было.

«Насмешники, - покачала я головой укоризненно, - как вам нестыдно, - и вернулась к своему занятию. - Нет, не спасают ирисы. Их изысканность лишь добавляет отстраненности, словно подчеркивает: они-не-понятны-тебе. Вот возьмем альстромерии, они - понятные, розовые, стабильные… сейчас такие популярные, очень практичные и стоят неделями».

«Неделями, - вмешались насмешники тут же, - как подтверждение в верности? А как же разнообразие?»

«Разнообразие свойственно тем, кто еще ничего для себя не решил, - объяснила я уверенным голосом. - А для тех, кто решил, самым ценным считается постоянство».

Насмешники засуетились: «Допустим-допустим».

«Вот розы, например, - продолжила я, - символ любви и верности…»

«Розы, - меня тут же перебили, - какой стереотип мышления! Красные, уверенные, вечно счастливые, никакой утонченности».

«Да, розы, - я упрямо настаивала, продолжая бережно расставлять свои ирисы по вазам. – Мне розы вообще созвучны. Одно время мне казалось - я их люблю. Колючие, счастливые, категоричные. Мне дарили их прошлым летом, дарили осенью и зимой, - и тут я неожиданно для себя продекламировала:

После стольких роз, городов и тОстов
Ах, ужель не лень
Вам любить меня? Вы — почти что остов,
Я — почти что тень.

Насмешники в изумлении замерли, а я рассмеялась и добавила – уже от себя:

«В розах были все мои дни…»

Но насмешники опомнились и мгновенно передразнили меня фальцетными голосами:

«В розах были все ее дни… В шипах, в шипах, не в розах! Ты что забыла? Исколола все пальцы, то и дело расставляя букеты!»

Я улыбнулась:

«Тогда мне все было в радость! Это был такой отрезок времени - розы-вый».

«Да, помним-помним твой отрезок времени - маленький», - насмешники наперебой зашумели-захихикали, и голоса их уже не были подобны шепоту.

«Помню, - кивнула я. – Да, короткий был период времени, но время ведь относительно, порой за секунды можно прожить целую жизнь».

«Как перед расстрелом, да?»

Я пожала плечами:

«Вам лучше знать».

«Перестань говорить банальности: вре-мя-от-но-ситель-но!»

Я не обратила внимания на это замечание, а потому продолжила:

«Тогда было все, как я себе задумала - в своих утренних снах, где течет молоко. В тот период я была счастлива...»

«Будет все, как ты захочешь...» - ехидно пропели насмешники за моей спиной и, выхватив из вазы цветочный стебель, закружили с ним по комнате. Я с интересом наблюдала, как цветок сам перемещался в воздухе - то вправо, то влево, описывая под потолком окружности - в такт дурацкой песенке. Но вскоре, утомившись этим зрелищем, я отвела взгляд и вернулась к своему синему букету - танцующий цветок тут же упал на пол.

«Однажды, - вспоминала я, - в тот самый период времени случился праздник. Дело было летом, собралось множество гостей и все, представляете, все, не сговариваясь, принесли букеты роз – самых раз-но-о-браз-ных».

«Да что вы говорите?!» - голоса наполнились приторно-жеманной тональностью, и, мне показалось, хрустнули костяшки пальцев – от томного заламывания рук.

«Да! И бархатные красные букеты, и кружевные желто-зеленые, и букеты мелких кустовых роз, и сливочно-чайных…»

Но эти подробности, очевидно, не произвели впечатления, а потому, изменив восхищенную интонацию на будничную, голоса цинично отрезали:

«Все праздники быстро кончаются, а цветы засыхают, ты разве не знаешь?»

Но я их не слушала:

«И было много друзей».

«А потом все ушли, ты осталась одна и резко ощутила одиночество».

«И мы танцевали, и пили вино».

«А потом осталась куча уборки и грязной посуды».

«И даже подруга приехала - из другого города».

«И разумными разговорами еще больше тебя запутала».

«А еще, - я подняла голову и нежно посмотрела на фотографию, которая стояла на полке в книжном шкафу, – на праздник приехал папа, - сказала и тут же строго добавила: - Это - без комментариев!»

«Какие комментарии, мы ж понимаем! – Но уже через секунду в углу комнаты забубнили: - А на следующий день, помнишь-помнишь, твоя мама все тебя расспрашивала, как он выглядел, и ни о чем не жалеет ли?»

На этот раз я уже не выдержала и, схватив первый предмет, подвернувшийся под руку, стеклянный стакан, запустила им в угол. Тот вдребезги разбился, а из угла взвизгнули:

«Держи себя в руках! Приемные часы психотерапевта ежедневно - с девяти до двенадцати».

«Учту», - буркнула я и сунула в букет еще несколько свежих цветков, предварительно резко щелкнув по стеблям ножницами.

Выдержав паузу и понимая, что обижаться на насмешников – пустая трата времени, решила продолжить свои воспоминания:

«…И мой возлюбленный приехал накануне праздника, и, между прочим, была ночь любви, и было туманное влажное утро, наполненное предвкушением нового дня…»

«И ты, конечно же, решила, что будет так всю жизнь – наивная!» - тут же последовало робкое замечание.

«А потом, - я сделала загадочную паузу. - Он весь праздничный вечер держал меня за руку».

«Словно ты его собственность!» - голоса хмыкнули.

«Он говорил о серьезных вещах, - попыталась я объяснить, – о том, как мы станем жить вместе - о нашей будущей жизни!»

«Нашел время! А на следующий день он уехал, чтобы больше никогда не вернуться! Кстати, ты что-нибудь о нем слышала?»

«Нет, но в тот день я не знала этого, - я вздохнула, - к тому же, все это ничего не значит. Бывает, - добавила я и посмотрела в окно, - люди возвращаются».

В воздухе раздался легкий свист, и я почувствовала, как невидимый палец покрутил у моего виска. Но я только усмехнулась и сделала шаг назад от стола – оценить собранный мною букет: ну что ж, множество ирисов – недурно выглядит.

«Синий цвет – цвет печали. Добавь гипсофилу», - предложили насмешники, и в знак примирения в воздухе появились тонкие ветки с белыми искрами мелких цветов.

«Нет-нет, - покачала я головой, - пусть цвет будет чистый».

«Ну что ж, пусть печаль будет чистой! - Цветы тут же исчезли, и насмешники трагически вздохнули: – Знаешь, ты нам напоминаешь Офелию».

«Офелия, иди в монастырь или замуж за дурака»?

«Да-да, самое время! К тому же все эти розы, ирисы, возлюбленные, которых уже нет и в помине, - тебе не пришла еще мысль утопиться? Как раз - последний акт». - Тут же в комнате возникла большая старинная ванна на бронзовых львиных лапах с прозрачной водой. – Какую температуру воды предпочитаешь?»

Я вновь покачала головой:

«Представляете, я тогда действительно чуть не умерла от счастья. Но если бы это случилось, то, думаю, умерла бы в полной гармонии с самой собой».

«Да, но ты ведь не умерла, слава Богу! Вон какая румяная!»

«Нет, не умерла, потому что тогда я и не догадывалась, что была так счастлива… Ведь все познается в сравнении».

«Как хорошо, что люди не умирают от счастья, а то бы смертей было бы гораздо больше!»

«Да? Вы говорите немыслимые странности».

«Ничего странного. Большинство людей просто не осознает своего счастья и принимает его за нечто иное, а свою жизнь видит исключительно в сером цвете, ежеминутно сверяясь с прошлым или примеряясь к будущему. А потом все спохватываются, а уже… - тут неожиданно в воздух взлетела «Энциклопедия семейной жизни» и со всего маха грохнулась об стол – бах! – да так, что вазы мои подпрыгнули, а я от неожиданности вздрогнула и выронила из рук цветы, - поздно! Не довелось умереть от счастья! - и уже более спокойно голоса добавили: - И слава Богу. Кстати, заметь, статья «смерть от счастья» в причинах смертности отсутствует, что сохраняет народонаселение. Так что? Топиться будем?»

Я решительно замотала головой:

«Нет-нет, у меня еще очень много дел».

«Жаль». - В ответ кашлянули, и ванна пропала.

«В этот год уже все по-другому – мне дарят ирисы», - я подняла с пола упавшие цветы.

«А что ты хотела? Жизнь vulgaris, что означает – «обычная» жизнь, а она не стоит на месте, - тут насмешники схватили пульт от телевизора и быстро защелкали кнопками. – Смотри! Жизнь непредсказуема – только кофе собрался с друзьями попить, а тут – бац! – техногенные бедствия вперемешку с естественными катаклизмами. Где Нью-Орлеан после наводнения? Ураган «Катрин» сменяет «Офелия». А вот взрывы в Испании, в Китае землетрясения. Влияние Прозерпины, говорят астрологи. Да, надо приспосабливаться! А хочешь послушать Мессу си минор - органную музыку? Любишь Иоганна Себастьяна в техноимпровизации? Говорят, новое веяние. А вот чихуахуа – собака нынче самая модная, со стразами от Сваровского! Приобрести не желаете? А что стало с любовью в двадцать пятой серии? Мутировала! Вот и ты, дорогая, что имеешь - сама выбрала! Боль-ши-е ко-ле-бани-я! Землетрясения в отдельно взятой серии».

«Знаю-знаю, сама выбрала. Но не всем советую».

«Но, согласись, сейчас, когда все уже совсем иначе… не кажется ли тебе, Офелия, что… изысканные ирисы лучше традиционных роз?» - голоса вновь затараторили, но шепотом, и в шепоте этом послышалась явная неуверенность.

Я не ответила, а лишь подняла тяжелую вазу и направилась к окну.

В эту минуту в дверь позвонили. Я остановилась и оглянулась в нерешительности – не ждала гостей.

«Нет дома, нет дома! – на все лады заголосили насмешники. – Ее здесь нет!»

«А кто это?» - спросила я вполголоса.

«Это мы, - в ответ кокетливо хихикнули, - это мы звоним тебе в дверь».

«Но вы же здесь – в комнате!»

«А мы и там, и здесь».

«Значит, опять проказничаете, - укорила я, а затем нахмурилась: - Но вы сказали неправду – я дома. Почему это здесь меня нет? Это чистые выдумки».

«Никакие не выдумки – тебя нет. Ты – в прошлом, а может быть, в будущем. Ты - где угодно, но только не здесь, а потому всегда пропускаешь самое важное».

Сказать было нечего, я вновь направилась к окну.

«Жить прошлым – удел слабых!» - закричали у меня за спиной.

И я кивнула: «Я знаю».

«И будущим жить – удел слабых! – по паркету за мной спешно шлепали босые ноги. - Нет ничего глупее - планировать будущее!»

И я опять кивнула: «Знаю-знаю. Я в курсе».

«Живи настоящим! – советы сыпались скороговоркой. - Никто не живет настоящим, заметила? Нет чтобы спокойно сидеть у воды, ждать, когда труп врага сам проплывет мимо…»

«Так всю жизнь можно ждать!»

«А ты полезным делом займись – посади дерево. И не перебивай! – сердито взвизгнули голоса и тут же мечтательно продолжали: - Так вот. Нет чтобы спокойно сидеть у воды, дышать воздухом и наслаждаться природой… Ведь, строго между нами, куда он денется, этот труп? Если ему суждено - проплывет обязательно! Так нет же! Начинают гоняться за мнимым врагом, который, кстати, может врагом и не быть, всех от дел отвлекать и расспрашивать, потом еще роют ямы-капканы…»

«Не все».

«Зато все ворошат прошлое, копаются в воспоминаниях, живут ушедшими днями…»

«Да, или ушедшей любовью», - попробовала вставить я.

«Ха, или старыми обидами? Играют в «Кто, где, когда?» и не всегда выигрывают!»

«Бывает… рефлексии – это людям свойственно».

«Другие - бесконечно планируют завтрашний день, готовя на все случаи жизни «опоры»!»

«Что ж в этом плохого?»

«Пустая трата времени. Вот ты, например, пробовала?»

«Да».

«И что?»

«Ничего».

«Вывод?»

Я беспомощно пожала плечами.

«Вот и мы о том же! Куда позвонить, что купить, какую пирамиду построить, с кем жить, и с кем спать, и что за это иметь!».

«Что приготовить на ужин!» - вставила я радостно, надеясь попасть в точку.

«Перестань, это мелко. Как отомстить, кого наказать или как выпросить! А некоторые, - тут насмешники вновь понизили голос, - некоторые даже пытаются решать за других, представляешь!»

Внезапно передо мной упала колода карт и рассыпалась веером.

«Сыграем?»

«Во что? - Я растерялась. - В «дурака»?»

«Да, на желание».

«Нет, не буду – всегда проигрываю».

«Значит, тебе везет в любви, - в ответ захихикали, и со словами «не хочешь, как хочешь» карты исчезли, и уже совсем тихо, прямо над ухом, насмешники еле слышно выдохнули: - Не будь дурой, живи настоящим!»

«Как же вы надоели со своими советами! – не выдержала я и резко обернулась. – Настоящее - самое сложное!»

Но комната была тиха и пуста - я поняла: в ней уже нет никого, я - одна.

Я отодвинула шторы, распахнула окна и наконец поставила вазу на подоконник.

На улице светило солнце и стояла середина лета. Я с удовольствием вдохнула насыщенный городской воздух - гремучую смесь чувств и событий, замешенную на надежде и вере, свежих запахах листвы и молотых кофейных зернах из московских кофеен.

«Постараюсь», - прошептала я.

* * *

Около дома остановилась машина. Из нее неторопливо вышел человек, устало хлопнул дверью, поставил автомобиль на сигнализацию и медленно поднял голову. В знакомом окне увидел вазу с цветами и тут же, памятуя знакомый фильм, с улыбкой подумал: «Горшок с цветами – явка провалена». Но потом громко, уже вслух, добавил:

«Нет уж, дудки. Цветы на окне – значит, ждут меня».

Забыть, что человек

Люблю я город мой, но вместе с тем
Мне хочется порою душным летом
Забыть привычные границы тесных стен
И очутиться в поле до рассвета.

Раскинув кроны, словно острова,
Дубы в седой реке тумана дремлют,
И стоп касается прохладная трава,
Все помыслы утягивая в землю.

И в лес войти, не думать ни о чем...
Стараясь паутину не разрушить,
Податься в сторону, и куст задев плечом,
Прозрачных капель водопад обрушить.

Забыть, что человек, и на заре
Стать мехом беличьим, орлиным оком,
Капустой заячьей, извилиной в коре,
Струиться по ветвям древесным соком...

Колодец

Колодца домик виден из окна,
Заметен на тропинке камень каждый,
Мой сон украла полная Луна,
Страдать заставив первобытной жаждой.

И цепь блеснет змеиною спиной
За ускользающим ведром в погоне,
С добычей, звенья вытянув струной,
Слегка покачиваясь, тихо стонет.

Ведро, тяжелое от полноты,
Скрипит натужно, на руки плескаясь,
И блики среди водной темноты
В нем мечутся, испуганно толкаясь.

И я их пью, их вкус доступен мне...
От холода все тело обмирает,
И что-то изменяет в глубине,
Внутри меня, ночной кусочек Рая.

* * *

Так тянет ночью выйти на крыльцо!
Охватывает трепет каждый раз.
Смотрю на звезды - миллионы глаз,
И гладит лунный ветер мне лицо.

Мне хочется, дыханье затая,
Увидеть через звездную метель
Где прячет Вечный Космос колыбель,
С которой разорвалась связь моя...

* * *

Все пути и дороги сомкнулись во мгле,
И сейчас надо мной незнакомые звезды,
А ты на безумно далекой Земле,
Где для жизни тебе нужен воздух.

Черный Космос -
теперь все мое существо.
Он болезненно пуст и велик и огромен,
И здесь я забыла с тобою родство
И тот мир, что был мал, тих и скромен.

Я когда-то боялась, что в ад, а не в рай
Попаду, но однажды проверить посмела
Какой же из двух мне достанется край...
...У Вселенной их нет - вот в чем дело.

Прощание

Близок утренний час,
Ты уснул, и сейчас
Я уйду, избежав объяснений.
Дверь надежно прикрыв,
Словно ветра порыв,
Изгоняющий тени сомнений.

Полечу на восток,
Где зари лепесток,
Тонким бликом дрожа на ресницах,
Прикоснется к лицу,
Ночь сдвигая к концу...
Там рассвет встречу песней синицы.

И, как воздух, легко
Окажусь далеко,
Твой покой от себя сберегая...
Став прозрачной, как свет,
И недолгой, как след,
Я слезой с твоих глаз убегаю...

Ночью у пруда

Ночью я безмолвно, неподвижно
У пруда внимала соловью.
Тихо подошел ты. И неслышно
Опустился рядом на скамью.

Пледом ты укрыл мои колени,
И сидели долго мы вдвоем.
Молча одиночеств наших тени
На себя смотрели в водоем.

Ольга Моисеева

Родилась и живёт в Москве, окончила Московский Авиационный Институт. Литературным творчеством занимается с 1997 года, пишет стихи и прозу. Печаталась в журналах «Если» (Москва), РБЖ «Азимут» (Одесса), «Знание - сила. Фантастика» (Москва), «Уральский следопыт» (Екатеринбург), «Шалтай-Болтай» (Волгоград), «Лауреат» (Москва); сборнике произведений о космосе «Звёзды ВнеЗемелья» (Москва), сборниках современной московской прозы «Московский Дом». Член Моссалита, редактор и корректор.

Золотой сад

– Ух ты, какой красавец! – обрадовался Артём, вынимая из кармана складной ножик. – Грамм пятьсот.

Артём аккуратно срезал зеленовато-серую «булаву» кропуса и положил её в корзину. Ужин сегодня будет вкусным – хоть какой-то толк от его похода. Может, удастся найти ещё парочку?

Артём на глаз отмерил от кропуса положенные здешним грибам три метра и решительно шагнул к густым кустам рябицы. С азартом заядлого грибника он резко отодвинул раскидистые ветви, но вместо крепкого и сочного братишки срезанного кропуса вдруг увидел ярко-синий немигающий глаз. Артём проворно отпрыгнул, нащупывая заткнутый за пояс пистолет, затем замер, выставив перед собой оружие. Кусты чуть покачивались от прикосновения. Рядом на боку лежала корзина и вывалившийся из неё гриб. Неужели показалось?!

С минуту он колебался, потом медленно приблизился к своему брошенному имуществу. В кустах так ничего и не зашевелилось. Артём взял палку и осторожно отодвинул ею ветви рябицы.

Лихопрутка неподвижно лежала на земле. Воронки, из которых должны были выстреливать смертоносные «прутья», безвольно свисали по бокам её тёмно-серой, с зеленоватым отливом головы. Правый бок животного был покрыт засохшими рыжими разводами. Гребёнки ног распластались в стороны, лихопрутка дышала часто и тяжело.

Чёрт, надо же! Как-то сумела выжить после позавчерашнего отстрела... Артём тронул животное палкой. Тело лихопрутки дёрнулось, она открыла глаз, и внизу ярко-синего круга блеснула прозрачная капля. Капля дрогнула и скатилась вниз, в вертикальную прорезь приплюснутого носа. Лихопрутка приподнялась и вяло задвигала гребёнками, пытаясь уползти. По её правому боку потекла рыжая струйка, и Артём заметил, что земля под животным пропитана кровью. Лихопрутка издала тихий скрежещущий звук и плюхнулась на брюхо. Из её глаза одна за другой скатились ещё две крупные прозрачные капли.

– Эй, Тёма, поаккуратней! – воскликнул Мискинс, стряхивая с плеча упавший сверху кусок засохшего древесного нароста.

– Извини, Пауль, я тебя не видел, – сказал Артём, спускаясь со стремянки.

– То есть как это не видел? Я тут уже минут пять торчу, за тобой наблюдаю. Чего-то ты сегодня варёный какой-то. День давно закончился, а ты до сих пор с корой возишься.

– Нет, всё. Это было последнее дерево.

– Ладно, раз уж ты задержался, пошли, поможешь мне удобрения выгрузить.

Артём молча кивнул, и они направились к машине Мискинса.

– Чёрт, да что с тобой такое? – Пауль наклонился, помогая Артёму поднять выпавший из рук мешок. – Опять, что ли, всю ночь свои новые теории выдумывал?

– Да типа того...

– Ну и как? – в голосе Мискинса проскользнула насмешка.

– Есть кое-какие мыслишки... Проверить надо, – пыхтя ответил Артём, волочивший мешок в подсобку.

– Ну-ну, проверяй, только так, чтоб это на твоей работе не отражалось, – Мискинс бросил взгляд на тёмные круги под покрасневшими глазами своего единственного работника.

– Это-то не отразится, а вот кое-что другое... – Артём выразительно посмотрел на Мискинса.

– Слушай, Тёма, мы ведь это уже обсуждали! – Пауль недовольно цокнул языком. – Деньги будут только через два месяца, не хочешь ждать – бери «дыню».

Разгрузку они закончили молча, каждый думал о своём. Мысли у обоих были безрадостные. Сад Мискинса постепенно вымирал, с каждым годом принося всё меньше прибыли. Ежедневно Артём готовил специальный раствор удобрений, поливал им губчатые цветки Золотых деревьев, что способствовало увеличению размера плодов, обрезал сухие ветви и смазывал срезы антисептиком. Потом особым образом рыхлил под деревьями почву, очищал кору от высохших наростов и опрыскивал стволы питательным бульоном. Но, несмотря на разные ухищрения, замедлявшие старение Золотых деревьев, их количество неуклонно сокращалось.

«Докатился! – думал Артём, шагая по дороге к дому. – Зарплату продукцией получаю...» – Он поправил висевшую на плече сумку с плодом – чёрной, блестящей, чертовски тяжёлой «дыней».

В метрополии эти «дыни» стоили дорого. «Плоды Золотых деревьев Трелона – натуральный продукт непревзойденного качества. Совершенство на вашем столе!» Реклама не грешила против истины. Деревья не зря называли золотыми, пищевая ценность их плодов действительно поражала. Плотная сухая мякоть «дынь» содержала в себе белки, жиры, углеводы, минеральные вещества и витамины в такой идеальной пропорции, что могла полностью обеспечить человека прекрасно сбалансированным питанием. Небольшой кусок плода надо было всего лишь залить обычной питьевой водой, чтобы через пару минут получилась кастрюля густой вкуснейшей каши, по калорийности равной полноценному суточному рациону человека. Исключительно прочная кожура и сухость мякоти не позволяли плодам портиться в течение многих лет, так что они легко могли заменить любые консервы.

«...Он дал мне попробовать. Это просто супер! Лучше этих плодов нет ничего!» – мысленно услышал Артём свои слова семилетней давности.

«Ну и что с того? Что с того? – Маша с досадой тряхнула головой. – При чём тут вообще эти плоды? Я тебе про Ерёму, а ты мне про Фому!»

«Я просто хочу, чтобы ты поняла перспективу, а ты ничего не желаешь слушать и только злишься!» – Артём едва сдержался, чтобы не повысить голос.

«Да, злюсь! А чего ты ждал? Что я приду в восторг? Мы столько копили эти деньги, а ты хочешь одним махом ухнуть всё, подчистую! И на что? Участок в какой-то глуши!»

«Да почему в глуши? На Трелоне уже строятся города, и через пару лет это будет одно из самых шикарных мест! Но ехать надо сейчас, пока всё только начинается! Потом цены взлетят до небес! Я не могу упускать такую возможность, это мой шанс, понимаешь?»

«Вот именно, что твой!.. А обо мне ты подумал? У меня здесь мама, работа, друзья!»

«Мама сможет переехать к нам. Чуть позже, когда мы...»

«Чуть позже! Угу! А если на этом твоём Трелоне всё окажется не так, как ты думаешь?!»

«Не окажется!!!»

«Понятно». – Маша отодвинула тарелку с салатом, взяла сумочку и встала из-за стола.

«Подожди, ты куда? А горячее? Я заказал твои любимые тефтели...»

«У меня сегодня разгрузочный день!»

Она вышла из кафе и больше не вернулась. В городском подземном туннеле обкурившийся молодчик вдруг решил сам порулить на скорости, запрещённой при ручном управлении... В той автокатастрофе погибло пять человек.

Когда Машу хоронили, целый день, до самой ночи, шёл крупный, сильный дождь. Он барабанил по машинам, зонтам и крышке закрытого гроба, пока Артём стоял у свежевырытой могилы и думал о том, что, не начни он тогда разговор о Трелоне, Маша оказалась бы в этом проклятом туннеле на час позже.

Потом были поминки, и он сидел за столом, тупо глядя в свою тарелку. Кто-то что-то говорил, а капли снова и снова били по карнизу – бесконечный, размеренный стук...

Через полгода Артём понял, что больше не может находиться в квартире, где каждая вещь помнит Машины прикосновения, и жить в этом сыром, промозглом городе, где слишком часто идут затяжные дожди. За три дня он собрался и отбыл на Трелон. К тому времени все участки с рощами Золотых деревьев были уже раскуплены, но агрономы и специалисты-биологи всё ещё требовались.

И вот теперь он седьмой год торчит на этой планете, отказываясь верить, что тот шанс, который он когда-то так не хотел упускать, оказался полной фикцией. Артём ускорил шаг, и «дыня» стала больно бить по боку. Впереди уже показался его дом – маленькая хибара с небольшим участком земли. Действительно глушь. Самая настоящая. Когда к нему последний раз кто-то заходил?

Год назад, может, чуть больше... Это была Анита.

«...Поехали со мной, Артём!» – Она взяла его за руки.

«Не могу, Нита. Сейчас не могу. Может быть, потом...» – Он легонько пожал её ладони и отпустил.

«А может быть, никогда?» – её черные глаза смотрели прямо в его.

«Послушай, Нита...»

«Не надо! – Она усмехнулась. – Я и так знаю, что ты скажешь. Ладно, я ухожу, мне надо собираться! – Усмешка исчезла, и голос Аниты стал неприятно пронзительным. – А ты оставайся! Сиди здесь и делай вид, что сможешь всё наладить. Что ты звал её в рай, а не в забытую Богом дыру!»

Это был удар ниже пояса. Артём встал со стула и распахнул входную дверь. Анита молча вышла.

Больше он с ней не встречался, впрочем, как и с другими женщинами. Да и не с кем было, даже если б вдруг захотел. Анита улетела, когда большинство колонистов давно уже покинули Трелон.

Лаборатории закрылись, за научные исследования больше никто не платил, и Артём вынужден был работать в саду Мискинса как обычный батрак, чтобы иметь возможность продолжать свои изыскания. Вечерами, в свободное от дел по хозяйству время, и по ночам он с маниакальным упорством в тысячный раз изучал почвы, изобретал питательные смеси, выдерживал в них ядра и черенки. Тщетно. Получить всходы не удавалось, укоренить отпрыски – тоже.

Росли Золотые деревья исключительно рощами на берегах трелонских рек, и молодая поросль в этих рощах появлялась только до тех пор, пока они были дикими. Каждое дерево к двум годам достигало зрелости и активно жило в среднем пять лет, потом старело и начинало одну за другой терять плодоносные ветви. Когда Трелонские агрономы поняли, что решить проблему можно, только изучая деревья в естественных условиях, такими, какими они были до вмешательства людей, диких рощ уже не осталось, а жертвовать своими личными деревьями ради научных исследований на благо всех, никто, разумеется, не собирался.

В первые годы активного освоения Трелона люди изредка натыкались на отдельно растущие в лесу молодые деревца, и каждый раз такие находки оборачивались бедой. Двое колонистов заплатили за них жизнью, подвергшись нападению лихопруток. Каждый раз эти звери оказывались неподалёку от ростков, словно специально сидели в засаде, охраняя их от непрошенных гостей...

Толку от обнаруженных молодых деревьев не было. Забитые другими растениями, все они имели крайне чахлый вид, и попытки их пересадить неизменно заканчивались неудачей. Все найденные тогда саженцы погибли, а новых больше не попадалось.

Тем не менее Артём, вооружившись пистолетом, регулярно ходил в лес, в надежде разыскать такой росток. Вчера вечером он предпринял очередной поход.

Артём толкнул калитку и вошёл во двор, на ходу доставая ключи. Бросив сумку с плодом на крыльце, он направился к старому сараю. Чуть поодаль давно уже стоял новый, а этот Артём собирался снести, да всё руки не доходили. А теперь вот это ветхое сооружение неожиданно пригодилось. Он отпер дверь и вошёл.

– Жива!

(Продолжение следует)

Александра Крючкова

Родилась 5 апреля 1976 года в Москве. Стихи и прозу начала писать с 11 лет. Автор 21 книги и более 90 публикаций в соавторстве. Член Союза Литераторов России, Союза Писателей России, Союза Писателей XXI века, Международной Гильдии Писателей (Германия), Русского Литературного Клуба, Регионального Общественного Фонда содействия развитию современной поэзии «Светоч», Открытого Литературного Клуба «Отклик». Лауреат премий в области литературы им. А.П.Чехова, А.С.Грибоедова, В.В.Маяковского, победитель 1-го международного конкурса «Литературный Олимп-2010» Лиги Писателей Евразии, 3-го международного фестиваля поэзии в Венгрии, дипломант конкурсов им. М.И.Цветаевой, О.Э.Мандельштама, С.А.Есенина, а также конкурса «Высшее признание таланта» в номинации «Слово!».

Листопад

Вступлю в осенний листопад
Рыжеволосою блудницей...
Люби меня, как любит брат
Свою несносную сестрицу.

Костры горят который день,
В них прошлое сожгу я смело!
Люби меня, как любит тень
По жизни данное ей тело...

И на ладонь – листочком – вздох...
Благослови моё паденье!
Люби меня, как любит Бог
Собственноручное творенье...

И кисть запляшет на холсте –
Запечатлею штрих твой каждый...
Люби меня, как любят те,
Кто через Смерть прошёл однажды.

Не листай меня

Я устала... От вокзала –
Шлейфом – поезда.
Я, прощаясь, целовала
В губы города.
И мелькали в окнах стаи
Литых сталью лиц,
Тех, что просто пролистали
Листопад страниц.
Но от пальцев – раны, шрамы
На душе – не счесть,
И взорвали в сердце храмы
Зависть, лесть и месть.
Ниц упала, распласталась
На исходе дня:
Если хочешь, чтоб осталась,
Не листай меня...

В этом городе

В этом городе стонут крыши
От решивших сбежать в века...
Я кричу тебе! – Ты не слышишь,
Год за годом, как День Сурка.

Сколько пятниц на той неделе?
Ежедневник бросает в дрожь!
В этом городе нет той двери,
За которой меня ты ждёшь...

В этом городе плачут стены
От подслушанных новостей...
И зашкалит безмен измены
Превышением скоростей,

И ударит по сердцу током
Столь привычно-циничный альт...
В этом городе пыльных окон
Солнце падает на асфальт...

На небе голубом война

На небе голубом – война,
Ты видишь солнце, и напрасно
Тебе покажется: больна
Я чем-то странным и опасным.
На перекрёстке – два Пути,
Не спорь со мною, но послушай,
Как спорят в небе, чтоб спасти
Почти проспоренную Душу.

www.maginet2006.narod.ru
М.А.Г.И.
Наше отечество - искусство
MAGI
Международная Ассоциация Граждан Искусства
Всемирный клуб петербуржцев
Михаил Пиотровский,
Президент Всемирного клуба петербуржцев.
Валентина Орлова
Председателя правления клуба.
www.wwclub.spb.ru

Не отдавай меня другим...
(романс)

Не отдавай меня другим...
Оставь себе, как лучик света,
Любовь не требует ответа –
Пусть тот, кто любит, не любим...
Не отдавай меня другим...
Я шла к тебе почти с рожденья,
Где каждый шаг – стихотворенье,
Ведущее в искомый Рим...
Не отдавай меня другим...
Пройдя сквозь смерти и гоненье,
Я научилась жить мгновеньем,
Не пряча чувства в жалкий грим...
Не отдавай меня другим...
И в путь, начертанный судьбою,
Как оберег, возьми с собою
Мой филигранный пилигрим...
Не отдавай меня другим...

Экспромт

Не надо суфлёрской нечисти
Под шаткими эшафотами! –
У пьющих из уст Вечности
Учитесь, как жить экспромтами.
Не здешних законов вестники,
Прописка их не касается! –
Распластанных улиц крестики
На шеях их душ болтаются.
Небесными – мечены – бирками,
Слова их слывут крылатыми,
Но в паузах между криками –
Раскатами предзакатными –
Бывают столь красноречивыми
Их взгляды – подобны молнии –
Им хочется стать счастливыми,
Как те, кто живёт в безмолвии...

Рамка без Портрета

Обвивает Печаль виноградной лозой,
Не дописан портрет,
но подобрана рамка,
Вечер пахнет черёмухой и... грозой,
Я брожу, словно Призрак
старинного замка,
Разливаясь тоской
по каскадам из стен,
Будто где-то за ними
есть ключик к ответам:
Отчего и зачем жизнь похожа на плен
Между Этим (земным) и (небесным)
Тем Светом?
Только стены – глухие, и выхода нет,
Стон пронзительный – эхом –
по мрачному замку:
Пожалейте меня! – допишите портрет
И воткните его в Вашу чёрную рамку.

Химера

В спокойствии прикрытых век –
Любовь, достигшая предела...
Я помню: Чёрный Человек
Моё – увозит в лодке – тело.
Нет никаких знакомых лиц,
Ни церемонии прощанья –
Безмолвно кружит стая птиц,
И том стихов – как завещанье.
В туманной дымке – острова,
Всё дальше – мостики и крыши...
Кричу Ему, что я – жива!
Но Он как будто бы не слышит –
Молчит... Не знаю я, кто – Он,
И сколько минуло мне вёсен...
Привычный шум прибрежных волн
Едва нарушат всплески вёсел.
Какая странная печаль:
И песни томных гондольеров,
И карнавальный бог – февраль,
И всё, что было здесь, – химера.
А я осталась... Я – жива!
Там – тело, сброшенное платьем!
Всё дальше, дальше – острова,
Всё ближе – Вечности объятья...
Твоя Венеция навек
В мой Судный День осиротела...
Кто ты, тот Чёрный Человек,
На лодке увозящий тело?

Людмила Некрасовская

Окончила Днепропетровский горный институт, инженер по автоматике и телемеханике, занималась наукой. Золотое перо Руси (2008, Москва), Лауреат 10-ти международных литературных премий. Автор 11-ти поэтических сборников. Публиковалась в антологиях, альманахах и журналах Украины, России, Израиля, США, Испании, Германии, Греции, Великобритании, Голландии.

Мать и сын

1. Мать

А за окошком чёрным зверем
Металась раненая ночь.
Княгиня обходила терем
И отгоняла думы прочь.
Потом прислушалась немного,
Внимая сонным голосам,
Но постоянная тревога
Её тянула к образам.
«Недавнее – тягарь на вые,
А будущность – не по плечу.
В который раз тебе, Мария,
Свечой икону золочу.
Древлянам Игоря отмстила,
Но не утешилась, увы.
И совершенно не по силам
Мне участь княжеской вдовы.
Но не о том теперь пекусь я.
Мария, ты ведь тоже мать!
Скажи, Владычица, как с Русью
Мне сыну веру передать?
Пусть он поймёт, что вера – посох,
И с ней сподручнее в пути,
Она – спасение для россов,
Возможность истину найти.
И, княжа в Киеве по праву,
Не убоявшись никого,
Пусть славит русскую державу
Да имя сына твоего».
Умолкла Ольга утомлённо,
Приникла к лику, трепеща.
И задрожала пред иконой
Живым дыханием свеча.

2. Сын

«Опять гонца прислала мать
И снова говорит о вере.
А я не стал бы открывать
Пред Византией наши двери.
И суть не в том, что бог один,
Куда сильней и лучше многих,
А в том, что в доме господин
Лишь тот, кому подвластны боги.
И, прикрывая эту суть,
Чтоб веру выказать святыней,
Желают россов обмануть
И гордость объявить гордыней.
Я не хочу, чтоб чей-то бог
Давался нам, как подаянье,
Не допущу, чтоб кто-то смог
На Русь оказывать влиянье,
И потому не уступлю
Словам достойнейшей из женщин,
Хотя безмерно мать люблю,
Но ведь и Русь люблю не меньше.
Я, не жалея живота,
Готов, покуда носят ноги,
Доказывать, что Русь свята
Без веры о едином боге.
Но мать зачем-то до утра
Его о милости молила.
А, может, каяться пора,
Взывая: «Господи, помилуй!?».

Самсон

Наступившая тьма словно
ширмою мир отделила.
И один на один остаюсь
я с бедою своей.
А моя слепота –
это дар твой последний, Далила.
Отвергая народ, я влюблялся
в его дочерей.
Понимал: предала, знал
и чувствовал, что не любила,
Ненавидел себя,
но с тобою расстаться не мог.
Всем пожертвовать рад,
даже Богом дарованной силой,
Чтобы вновь целовать твой,
горящий в лучах, завиток.
Среди красок любви много тёмных,
но я не в обиде.
Что-то рвётся в груди,
изначальную ясность губя.
Как, скажи мне, любить,
если я твой народ ненавидел?
Как сражаться с врагом,
если в стан свой он принял тебя?
Мне понятно теперь,
что судьба объяснить захотела.
Но возможно ль прожить
безошибочно и не спеша?
Ведь глаза нам даны для того,
чтобы видело тело.
А вот зрячие мы,
лишь когда прозревает душа.

Соль

– Завершенье пути.
Но осмыслить хватило бы сил
Революций беду и войны
бесконечный разгул...
Так скажи мне, Всевышний,
зачем же я всё-таки жил,
Восходил на вершины
и в чёрных пучинах тонул?
Почему я покоя не знал,
отправляясь в поход?
Почему мне ни разу не выпал
счастливый билет?
Для чего, не скупясь,
Ты отмерил мне бездну невзгод?
Для чего наделил невозможным
количеством бед?

– Люди знать не должны,
для чего появились на свет.

– Но, Всевышний, прошу,
до того, как я буду в раю,
Дай уверенность мне,
дай услышать Господний ответ,
Убедиться позволь,
что исполнил я волю Твою.

– Хорошо. Вспоминай:
в годы юности в горы ходил,
Поднимался весь день,
а под вечер устроил привал...

– Нет, не помню, Отец.
О таких мелочах позабыл.
Ну, ходил. Ну, и что?

– Ты девчушку в горах повстречал.

– Повстречал? Ну, и что?
Ты о главном сказать соизволь:
Что деянья мои,
и каков предстоящий финал?
А девчушка...

– Она попросила насыпать ей соль.

– Дать ей соль? Ну, и что?

– Ты ей запросто соль передал.

– Хоть убей, не дошло.
Ты дарил мне немало идей.
Я сражался, любил,
одолел и сомненья, и боль...

– Говорил: не поймёшь.
Божьи замыслы не для людей.
Ты родился затем,
чтоб вручить этой девочке соль.
Не приписывай Мне постоянство
своих неудач.
Если цель укажу,
то достигнуть умение дам.
Дал ей соль – это всё,
что исполнил из Божьих задач.
Остальные задачи, болезный,
ты выдумал сам.

Людмила Некрасовская

Бог – старенький сторож в небесном саду

Бог – старенький сторож
в небесном саду –
Гремел колотушкой,
покрикивал грозно,
Он август созревший задел на ходу.
Как яблоки, сверху посыпались звёзды,
А на полотенце махровой травы
На цыпочках утро неслышно ступило.
Уставшее за ночь, бледнело светило,
Ещё не успев преклонить головы.
А я, обжигаясь хрустальной водой,
Небесный ранет собирала в корзину:
Друзьям пригодится в суровую зиму.
Вы пили когда-нибудь чай со звездой?
Волчица
Снова город ночной рукотворные
звёзды зажёг,
Отпугнув темнотищу –
голодную злую волчицу,
Не успевшую сделать
последний коварный прыжок,
И, проспекты подмяв,
их беспомощностью насладиться
И агонией звука,
и бельмами окон слепых,
От неё закрываемых
шёлковой кожицей шторок.
Обжигают огни.
Дикий зверь затаился, притих,
Выжидая, когда утомлённый
расслабится город.
Лишь под утро,
лакая реки почерневшую кровь,
На востоке почует рассвета
нечаянный запах,
Громко лязгнет зубами,
нарушив дремоту дворов,
Зло оскалясь, отступит,
качнувшись на дрогнувших лапах.

Жар нещадный сушит росы

Жар нещадный сушит росы,
Поседели тополя,
Золотистым абрикосом
Перекормлена земля.
А погода к листопаду
Поворачивает руль,
Хоть горячим шоколадом
На губах горчит июль.
И блаженство не испито,
И смущает впереди
Неба старое корыто,
Накопившее дожди.
Время требует проверки
В убегающих часах.
Звёзды, словно водомерки,
Заскользили в небесах.
На крыло встающий аист
Пьян от первой высоты.
И вот-вот уронит август
Календарные листы.
Прочитано, осмыслено, известно
Прочитано, осмыслено, известно,
Но обожжёт прозренье глубиной,
И видишь святость Матери небесной
В простом обличье женщины земной.
И чувствуешь, что всё неразделимо,
Как плотный узел с множеством дорог,
Ведь женщина, рождающая сына,
Уверена всегда, что мальчик – Бог.
Её любовь приводит к заблужденью,
Но в счастье мать не ведает стыда
И верит, что зажжётся в миг рожденья
Над сыном Вифлеемская звезда.
Наберу в ведро перезвон дождя
Наберу в ведро перезвон дождя,
Вскипячу грозой молодой июнь,
Заварю траву и, тебя щадя,
Не вложу в питьё горьковатый вьюн,
Поднесу тебе дорогой бальзам,
Чашу редкостной пряной сладости.
Убедишься сам: в наслажденье нам
Зацвели вокруг травы радости.
Ты таких цветов не встречал досель,
Чтоб взошли они – счастье надобно.
Созывай друзей, приглашай гостей –
И поделимся нашим снадобьем.

ЕЛЕНА ПАВЛОВА

Родилась и живёт в Москве. По образованию инженер-физик, окончила Московский энергетический институт. В настоящее время занимается психологией в Школе Причинности, основанной доктором философии В.П.Гочем, нумеролог. Член Союза писателей России, творческого совета Международной Ассоциации граждан искусства (М.А.Г.И), Союза писателей XXI века. Является автором книг стихов «Я люблю этот мир» (2009), «Восточный ветер» (2010), «Лодка» (2011)

Сценарий для Богинь

Елене Ерофеевой-Литвинской

Ах, женщины, придуманные кем-то!
Ещё вас называют слабый пол,
Как лихо вы в безвыходность момента
Возносите любовью на престол.
Прелестные эфирные создания,
Над красотой не властные года,
Но выше сил и выше понимания
Порою вам предписана судьба.
Искусно кто-то, сотворив однажды
Глоток надежды, тайный оберег,
Вас раздаёт страдающим от жажды
И всё равно, какой сегодня век.
И каждый раз неповторима битва,
В конце её – короткое Аминь.
Вся ваша жизнь, как тихая молитва,
Как драма, как сценарий для БОГИНЬ!

Шесть минут по ту сторону

Начать, наверное, следовало с самого начала, как все обычно начинают: с детства, с родителей, с дедов и прадедов, с истоков и корней. С украинского портового города Николаева, где он родился. Со звуков, впервые осознанных как музыка. С Байконура, затерянного в казахстанских степях, куда направили служить отца. С первой любви, ставшей единственной. А там – армия, ать-два, самый высокий, самый голосистый, ротный запевала, «мы ракетные войска, нам любая цель близка». А там и Москва, поступление в Гнесинку с другом за компанию. Ресторан «Арбат», где его услышал и пригласил к себе сам Утесов. И Ленинград, лучший в стране мюзик-холл, где он закрепился и стал известным, и во всенародной любви купался. «Яблони в цвету», бархатный баритон, ослепительная улыбка, красив, как бог, кто же этого не помнит? Поклонницы дарили ему розы в человеческий рост (где только доставали?), по степени кипевшей вокруг массовой истерии равных ему не было. И падал он, и возрождался, и познал славу и забвение. И дом построил, и собственные корни пустил, и сам стал дедом, вот уже внуки подрастают – как времени мало, оглянуться не успеешь… Но так, по порядку, как все обычно начинают, не получалось.

Вспоминалось совсем другое, потому что забыть это невозможно, и он никогда этого не забудет: распростертый на диване в номере провинциальной гостиницы смертельно бледный, незнакомый ему человек, до странности, до жути похожий на него самого. Белые халаты врачей, какие-то аппараты и приборы, полно народу, суматоха и сутолока. Неужели этот раздетый человек без признаков жизни – он сам? Разве он умер? Но откуда же тогда и почему он наблюдает за этим неподвижным и, в общем-то, совершенно безразличным ему человеком? Кто из них двоих – он, Захаров Сергей Георгиевич, 1950 года рождения, профессия – эстрадный певец, семейное положение – женат, имеет дочь?

Все происходило, как в странном кино. Совсем недолго длилась полная темнота, а потом, прорвавшись через темноту, он смотрел на то, что происходило, сверху. Почему-то мешал потолок, обыкновенный белый потолок, покрытый известкой. Он завис под ним, как упругий воздушный шарик, даже известку на себе ощущал. Окна закрыты. Улететь отсюда нельзя. А очень хотелось – в эти бесконечные дали за окном, в эти неизведанные просторы… Но что-то его не пускало. Ну, да, потолок, выше которого не прыгнешь. Хотя и внизу, в комнате, было по-своему интересно. Краски приобрели невиданную прежде интенсивность, контуры – определенность. Все казалось ярким и отчетливым, вплоть до малейших деталей – пыли на мебели, мусора на полу, невесть откуда взявшихся мандариновых корок…

Внезапно он увидел батарейки от телевизионного пульта, валявшиеся в пыльном углу за тумбой. Как они там оказались? Накануне обыскался, все перерыл – запропастились куда-то эти несчастные батарейки, и все тут. Ладно, без пульта обойдемся, да и смотреть-то особо нечего. Лучше пойти в баню, снять накопившуюся усталость – шестьдесят концертов отработать, это что-то. Вернулся в номер очень поздно, около трех часов ночи, а вставать надо в пять утра, самолет в Москву ждать не будет. Он долго ворочался, боясь провалиться в глубокий сон, потом слегка задремал и вдруг почувствовал, что сейчас потеряет сознание. Заволакивало какой-то мутной пеленой, подкатывала тошнота, все тело становилось ватным и неподъемным, руки и ноги немели, отказывали, дышать было нечем. Он судорожно хватал воздух, до боли стискивал зубы, словно пытаясь зацепиться за эту стремительно и так нелепо ускользающую от него реальность…

…Жара жуткая, нагрузки непомерные, недосыпания-переутомления, темп бешеный, перелеты-переезды, предвыборный ельцинский марафон, голосуй, или проиграешь. И концерты, концерты, концерты. И все живьем, на голосе, без фонограммы, без передышки. Коллапс на фоне полного нервного истощения, объяснили ему потом медики. И добавили, что если бы не его спортивное прошлое – а он ведь был кандидатом в мастера спорта, и не отсутствие вредных привычек – сумел-таки избавиться, то все закончилось бы весьма плачевно. То есть шансов выжить у него практически не было. Так считали врачи, и это лежало на поверхности и звучало разумно и понятно, но, наверное, на такой благоприятный исход событий повлияла еще одна причина. Самая веская. Самая основная. Самая трудно укладывающаяся в голове.

Была, была причина. Иначе как объяснить, что единственная на весь город реанимационная бригада «Скорой помощи» – а дело происходило в Миассе Челябинской области, и не в самом Миассе, а в сорока километрах от него, так вот, единственная реанимация именно в тот момент проезжала мимо, и врачи прибыли на место вовремя; что в больнице им занимался дежуривший в ту ночь лучший в городе специалист-кардиолог; что в сейфе оказалась присланная американцами в рекламных целях ампула новейшего лекарства как раз для подобных случаев?

Похоже, все было решено и расписано заранее. И год предсказан, и час условлен, и встреча назначена. Кто помогал ему? Кто просил за него? Наверное, его Ангел-хранитель. Ведь должен же быть у него Ангел-хранитель, такой же высокий и красивый, как он сам. В рубашке, что ли, он родился или под счастливой звездой? Или все это значило, что срок еще не наступил, музыка еще звучит, и у него еще есть дела на этой земле, и главное событие в его жизни пока откладывается?

…Только бы не отключиться. Только бы успеть. Только бы не забыть. Успеть – куда? Не забыть – что? В полуобморочном состоянии, задыхаясь, он еле-еле полз к выходу, на узкую полоску света, пробивавшуюся из коридора. Если дверь заперта, тогда все. Но дверь открылась. Значит, так надо было. Открылась для него дверь, и он оказался напротив комнаты администраторов. Там не спали. Он уже не помнил, кого звал на помощь. Последнее, что удалось запечатлеть краем угасающего сознания – бегущих к нему двух молодых парней в белых халатах. Он как будто бы ждал их, сказали они. А потом у него просто остановилось сердце. На шесть минут.

… Как хорошо. Как спокойно. Деньги, карьера, обиды, сплетни, звания и награды, аплодисменты и комплименты не имели никакого отношения к той цели, ради которой он пришел в мир. Получается, что люди погрязли в состоянии постоянной борьбы ни за что. Вся эта суета, весь этот джаз – химера, блеф, миф, иллюзия перед великой пустотой, где ничего нет, и в которой есть все…

…«Давай пять киловатт!» – вдруг явственно услышал он. Давай. Как на этой стройке в Сланцах, на этой «химии», где он отбывал срок после ленинградских «Крестов» и тоже давал – не киловатты, а план по укладке кирпичей. Месил тонны цемента, обритый наголо, в заскорузлой рабочей спецовке. И всех местных школьников учителя в обязательном порядке водили посмотреть на этот спектакль во славу советской Конституции, по которой перед законом все равны, будь ты хоть знаменитый певец мирового класса, хоть самый простой обыватель. А Алла, жена, маялась тогда одна с маленькой Наташкой, продала все из квартиры, даже книги, только лампочки вместо шикарной чешской люстры да голые стены остались. Есть было нечего, многие отвернулись, а остальные пальцем показывали. Зато теперь у нее свой дом, своя усадьба с прудами и водопадами, иномарка, заграничные курорты, и сад, и огород, и баня, и сауна, и тренажерный зал, и какао с чаем. А тех, кто хотел упечь его с глаз долой за то, что своей безмерностью не вписывался ни в какие мерки и рамки, кто подстроил эту дурацкую драку, послужившую поводом, но отнюдь не причиной, кто унижал и травил его в прессе, кто пытался сломать его жизнь на взлете, кто отнял драгоценные для артиста годы, наложив на его имя табу и закрыв для него столицу, радио и телевидение, тех он давно простил. Простил и зла на них не держал. Разве они ведали, что творили? Они-то думали, что способны вершить чужие судьбы. Но они ошибались. Это было совсем не в их компетенции.

И он все понял и всем простил, и с благодарностью усвоил все ниспосланные ему свыше уроки, и вышел на большую эстраду новым и неожиданным. Вышел, чтобы начать другую жизнь. И тут опять началось такое, такой успех и такой триумф, что каждый теперь норовил примазаться, притусоваться, чуть ли не лучшим другом прикинуться…

Но все это было не с ним, парящим под потолком, а с этим незнакомым и безразличным ему человеком на диване, с которым возились люди в белых халатах. У одного из врачей на макушке поблескивала лысина – он явственно видел ее с высоты своего полета. Сверху он разглядел и какой-то черный рогатый прибор (потом ему объяснили, что это называется дефибриллятор, электрошок), который включили в розетку. Видимо, дали эти самые пять киловатт, потому что раздался сильный удар, как по футбольному мячу, он-то хорошо знал этот звук. Что-то щелкнуло и замигало. Человек, за которым он наблюдал, несколько раз сильно дернулся, и… Воздушный шарик лопнул, исчез, растворился. Он почувствовал, что сам лежит на диване, открыл глаза и увидел склонившихся над ним врачей, снимающих электрошок с его груди. Потом снова наступил провал, его куда-то везли, вернее, не везли, а мчали. Счет шел на минуты. Он помнил только, как подпрыгивала каталка на неровных стыках больничных плит. Взламывали сейф – ключа не оказалось; в течение полутора часов вводили то самое новейшее американское лекарство, растворяющее тромбы…

Окончательно он пришел в себя уже в реанимации городской больницы номер три города Миасса. Наступило 9 июля 1996 года. Было десять часов утра по местному времени.

Наверное, он слишком быстро бежал по жизни, и его наказали за превышение скорости. Возможно, он был уверен, что и так все знает. И вот настал момент остановиться и оглянуться. Всмотреться в людей, а главное – в себя. Осознать глубинный смысл вещей. Разгадать, что скрывается за поступками и событиями. Проститься со своими заблуждениями. Отпустить свое прошлое. Открыться будущему. По сути, он действительно заново родился. В который раз? Ему снова предстояло начать новую жизнь. Которую по счету? Он понял главное – смысл жизни заключается в ней самой. И умереть совсем не страшно, потому что смерти, как полного небытия, не существует. А разве можно бояться того, чего нет? И теперь он жил размеренно и спокойно. Так спокойно, как никогда прежде.

Елена ЕРОФЕЕВА-ЛИТВИНСКАЯ

Сказка

Н. Муковникову,
в память об АООТ ПРК

Да не так и давно это было. Не то, чтобы дед моего деда, ему рассказывал, да при этом говорил, что от отца своего слышал. Не, то я уже помню.

Не брали карельские гайцы ни под каким соусом.

Не-ее. Не брали и всё тут! Что положено – получи фашист гранату по самые миндалины. А чтоб что-то чего-то да ещё и сверх того, то нет. Даже не предлагай. В лучшем случае посмотрят, как на полного идиота. Ну. а про худший… Вспоминать даже не хочется.

И не только свой, карельский водила, или там транзитник какой… Страна вся над тем карельским закидоном ненормальным ржала в полный рост.

Не-ее… Про Союз даже говорить не буду. А Российская Советская Федеративная вся – верняк. Сам тому свидетель…

* * *

В отпуске я был. Дома. У матери. На родной Белгородщине.

Ну, мать и говорит, съезди, мол, отвези Светке, сестре значит, яичек там, творожка, огурчиков с грядки. А то, небось, оголодала совсем девка в райцентре том. Вон, останний раз приезжала, так и смотреть было не на что. Аж щёки ввалились!

Ничего и не ввалились. Щёки, как щёки. Светка с мальства самого такая. Да разве ж матери что скажешь?

«Исхудала совсем»…

До Старого-то … Всего ничего. И полсотни вёрст не будет. Час туда, час обратно, на выгрузку время, чаю там попить. Да, что-то Светка там про дверь говорила.

Вечно с этими общаговскими дверьми. То сам ключ где по карманам потеряешь, а времени искать… Ну, совсем нет. То в гости кто напросится, несмотря на то, что хозяева, вроде бы и не звали на огонёк. Ну, самим мол, мало. Ага… Знаем мы ваше мало! Да у нас и у самих есть. Вот, только компании хорошей не хватает. И ногой, да по замку тому. Хорошенечко так. На всю ширь уже частично развернувшейся души.

Всё с дверью той понятно. Знаем, сами плавали. Не так уж и давно, кстати. Забыть ещё не успели.

Если замок менять или полотно дверное частью усилить… Ножовка, стамеска, молоток, пара отвёрток со шлицами разными, саморезов в банку россыпью. Что? Генуг? Да, хватит, пожалуй. Если что, у мужиков по общаге поищем.

* * *

И сейчас-то родной Автопром кондишен не жалует, а тогда… Впечатление такое было, что про то чудо мировой технической мысли отечественный инженер и слыхом не слыхивал. А если и слыхивал, что-то когда-то, так, краем самым, то уже и забыл о том напрочь за суетой подведения итогов очередного соревнования социалистического. На заре ещё, дедами нашими, мы их догнать и перегнать мечтали. А при отцах, всё. И с производства станки те ДиПовские сняли.

Потому, с утречка лучше выехать, по холодку. А то ведь если днём, так по жаре такой эта консервная банка с мотором в момент из любимой и ненаглядной Ласточки превратится в орудие пытки средневековой инквизиции, слава тому, кто почил её в бозе, ещё до нашего дня рождения…

Точно. С утречка. По холодку.

Как раз и Светка эту неделю во вторую смену. Приеду, выгружусь, с дверью разберусь, чайку попьём, перекусим, новости городские для передачи выложит, ну, те, что захочет, само собой, к хлебозаводу брошу её на работу, и – на выезд.

Да и на шоссейке с утра. Ну, если молоковоз какой, что вечернюю дойку на переработку в город везёт. А так. Нет, не должно особого движения с утра быть…

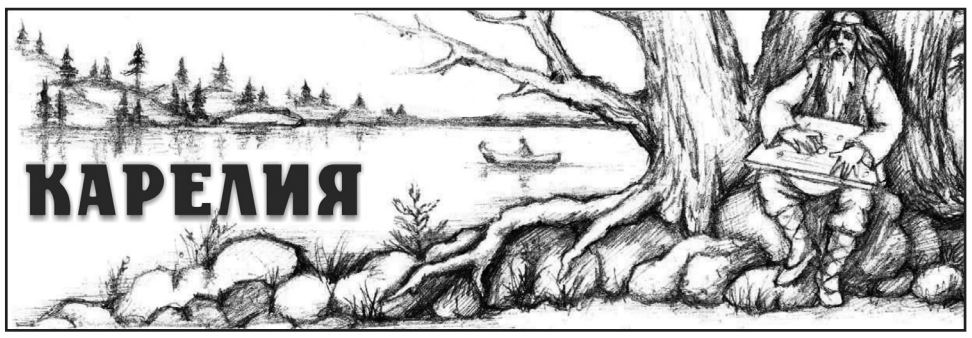
* * *

На шоссейке-то да. А то, что с утра народу – на работу, не учёл?

Да-аа… Дела-аа… Город-то после того, как вместе с немцами электро-металлургический комбинат запустили, разросся-то… Разросся. Микрорайонов этих новых. Молодогвардеец, Звёздный, Интернациональный, Олимпийский, Горняк… Вот как к Горняку тому?

Нет, если бы в центре, у военкомата там, или у автостанции старой… И проблем никаких. А тут? Что там мать говорила? Первый перекрёсток проскакиваем, а на втором уходим на XXI-го партсъезла? В левый ряд и поворотничком. Притормозили… Встречных. Пропустили… С нейтралочки и – ходу. Фу-уу… А движение-то в городе стало. Не то, что раньше. Две телеги и один молоковоз…

Дальше… Прямо, вроде, надо, чтоб на Комсомольскую, к мосту через Оскол, выскочить. Какое прямо? Весь народ направо куда-то уходит… А мне? А мне туда не надо. Тьфу ты! Прямо – «кирпич» висит. И - что? А-аа… Прямо мне надо. Прямо!



* * *

Ну, во-о-от… Как обычно! И кто только этот Закон подлости выдумал? Лишить бы его, гада, квартальной премии вместе с прогрессивкой, чтоб знал, о чём следующий раз думать и не след совсем.

Сто-и-иит… Палочкой своей полосатой радостно так машет. Давай мол, друг, к обочине.

К обочине, так к обочине… Ну, невезуха! Две «дырки» в правах уже есть.

* * *

А, к слову сказать, тогда вдоль правой стороны прав, через чёрточку, все категории водительские от А до Д, были горизонтально уложенны. Каждой категории – три символа. Где что нарушил, инспектор тебе, специальным компостером, прям тут же, на месте совершения. Протокол составили, ну, и довеском к нему, раз – дырочку.

Про товарно–денежные отношения тогда и экономисты-то не все знали. Хорошо, если, хотя бы, через одного. А тут – р-ра-аз – и дырка кругленькая. Другой раз нарушил, - вторая. Ну, а третья если… То – всё. Сливай воду, глуши мотор и вёсла суши на солнышке. На административную комиссию, что срок твоего бесправия определит, и уж потом, по истечению срока этого, – на пересдачу…

А две дырки, к тому времени, у меня уже были.

* * *

Только-только, недели не прошло, как права получил. Потому старался, если куда ехать, чтоб справа, на штурманском месте, человек какой знающий сидел, на ошибки, от малого опыта, неизбежно возникающие, указывал строго. Учил уму-разуму начинающего по-отечески.

И вот собрался в Чалну. Тогда ж леспромхозовские ОРСы куда как лучше городских магазинов работали. Особенно по части промтоваров.

Заехал к приятелю. Отчего б и тому не съездить, может и себе что в Чалне той присмотрит.

Время есть? Так – выходной! Сели. Поехали.

И то-олько к железнодорожному переезду подходить, что перед Бесовцом…

Тем. Тем самым, где года два спустя, вот этим же летом, локомотив полный дачниками Падозерский автобус протаранил. Чемпионат Европы шёл, на котором мы, спасибо таланту тренерскому Лобановского, серебро взяли. Народ, вместе с водителем, и торопился. Очередной матч с нашими по телеку посмотреть. Ну, и решили, перед составом, от Суоярви, со стороны леса надвигавшимся, проскочить. Кто уж там инициатором был, водила ли сам, или пассажиры, от летней жары уже одуревшие малость, его в спину толкнули, теперь уж и не узнать. Только, через мгновения считанные, всем, в автобусе бывшим, не до Чемпионата стало… Многие потом и хотели бы, да ничего больше им уже не посмотреть. Ни по телевизору, ни так…

И вот, к этому самому переезду подходить, а он возьми и включись красным, мигающим… Я ж, правила только сдал, ещё не забыл, - по тормозам. А Серёга меня и пихает в бок:

- Что встал? Мы – манёвр завершаем. Вперёд!

Ну, опытный, со стажем водитель, говорит. Я то что? На газ и – ходу!

А за переездом уже стоят…

«Пересечение железнодорожного полотна на запрещающий знак светофора и включённую звуковую сигнализацию»…

Две круглых дырки в правах и вызов на административную комиссию.

Вот только звуковой не было! Хорошо же помню. Не бы-ло!

Но, – не суть то…

* * *

В общем, две дырки к тому были уже у меня.

А когда две дырки пробиты и третья вот-вот... Намечается. То ж такой спектакль двух актёров… Буря чувств и эмоций. Дездемона отдыхает. Спокойно может молиться себе и днём, и на ночь, не опасаясь чего там.

Морально к тому уже готов. Щас, права достанем, соответствующее настроение на физии лица изобразим и – к инспектору…

Это ж сейчас, культур-мультур такой. Остановили, сиди спокойненько в машине, стекло водительское опустив малость, и кури себе бамбук, жди, когда к тебе инспектор подойдёт, представится:

- Сержант отдельного пам-пам-пам батальона дэпээс…

А тогда… Не-ее… Хватай свои шмотки, бумаги и – на полусогнутых. Бего-о-ом к инспектору:

- Имярек такой-то. Говнюк говнюком. Что нарушил-то, командир?

Ну, я уже привычную стойку низкого старта принял, мыла кусок – в кармане. Только…

Да что за чертовщина? Сам… Сам к машине идёт. И морда, такая довольная-довольная. Как у материного Васьки кота, после глечика сметаны немаленького.

Ну, довольная, то – понятно. Словил. Щаас, начнётся…

Из машины луч-че всё-таки выйти:

- Добрый день, командир…

И вдруг:

- Привет, земеля! Какими судьбами?

- Да вот, к сестре, на Горняк, надо.

- А она-то что тут?

Да что, про всю родову что ли ему рассказывать? Ну, хозяин – барин. Лучше уж пусть про родных и близких, чем последнюю дырку в правах:

- На хлебозаводе, после Воронежской техноложки, работает.

- Из дому-то как давно?

- Да вот, и часу нет, как выехал…

- Ну, не заливай, родимый. Где Карелия, а где мы с тобой? Почти две тыщи верст. Ты ж не ракете!

И пренебрежительный жест в сторону припаркованной у обочины «пятёрки»…

- А я смотрю – среди всех этих «БЕГ»ов, «БЕС»ов, «БЕМ»ов разных, «КСЮ»шечка родненькая…

Опять же, к слову. Тогда не цифровое обозначение региона на номерном знаке, буквенное было…

- Карел, что ли, командир?

- Ну, наконец-то. Дошло-оо… Да я вот тебе уж битых полчаса про это! А ты всё «техноложка-техноложка». Нет, вот чего у нас, карелов, завались просто, так то - природной сообразительности.

- А тут?

- Да я командированный. Вот, в области… В средней школе милиции. Видишь?

Точно. На погоне, чуть пониже сержантских лычек, буковка «К» в рост полный.

- Щас же лето. Отпуска. Вот нас на практику и распихали по райотделам. Да ладно, то – ерунда. Дома-то, дома – как?!

- Сам как будто не знаешь? Карельское лето короткое, но малоснежное. А конец мая, так вообще. Дожди, дожди… И холодрыга… А тут ещё и отопление отключили! Вообще, засада полная.

- Вот, вот. Я тоже заметил, как отопление отключают, так сразу по городу резко температура падает. С Петрозаводска? Я – с Кондопоги. Но, вот точно такая же петрушка и у нас. Как только комбинат перестаёт город топить… Всё. Хоть валенки снова надевай. Похоже, что все наши котельные и ТЭЦы разные не в дома, а прям на улицу тепло подают.

Щука как? Прошла уже, небось?

- Да нет. Она ж без разбору хватать начинает, как лист на берёзе с трёхкопеечную монету станет. А я уезжал, он только к тому подходить начал. Говорю ж, холодно. Я первое солнышко уже где-то за Тверью увидал. А так, что у нас, что в Ленинградской, Новгородской… И льёт, и льёт. Дворники и не выключал даже.

- Ну, а так… Что ещё?

- Да, вроде, всё, как обычно. А-аа.. Вот! Тут какого-то Ельцина на XIX-ую парконференцию от нас выбрали.

- Ну, то, наверное, на обком разнарядка какая пришла.

- Не иначе.

- А под «кирпич»-то какого лешего полез?

Ну, началось… Вспомнил-таки…

- Да говорю же – у меня сестра тут, по распределению, после Воронежского технологического, на хлебозаводе работает. В общаге, на Горняке, живёт. Вот, мать послала тут сельский гостинец. Творог, огурцы, яиц десяток. Я ж сам отсюда. С района. В Карелию тоже по распределению, только после Питерской лесопилки, попал…

- И давно?

- Что давно?

- Попал-то к нам, в Карелию.

- Пятый год скоро пойдёт.

- Ну, ещё столько же…

- Что столько же?

- Ещё столько же оттрубить надо, чтоб паспорт поменять.

- Эт ещё зачем?

Игорь МОНАКОВ
г.Петрозаводск

- Затем! Распоряжение такое есть. Мол, кто в Карелии десять лет и больше проживёт, тому в паспорте графу национальность на «карела» менять…

И в ответ на недоумённый взгляд:

- Да ты сам посуди. Республика-то – Карельская. А карел? Раз, два и обчёлся. Всего ничего. Сидят, по Кестеньгам, да Калевалам своим попрятавшись… Ну, надо ж как-то из положения выходить. Вот обком и принял распоряжение специальное по национальному вопросу. Давненько уже… Мож лет десять тому…

И после небольшой паузы, насладившись произведенным ошарашивающим эффектом:

- Ха-аа… Не переживай за паспорт, земеля. Шутка юмора!

Так если местный, говоришь, чего под «кирпич» полез?

Вот сдался ему «кирпич» этот!

- Да я как в 79-ом десятилетку закончил, так, считай, с концами и уехал. Учёба. Работа. А город, смотри, как разросся. Не узнать. Так, примерно, направление держу… Мне ж, чтоб на Комсомольскую, к мосту выйти, прямо?

- Прямо. Так сам же видишь, - «кирпич»! Свернул ты с Металлургов рано. Тебе следующий перекрёсток нужен был. На Прядченко. А вот уж потом, действительно, всё прямо, и прямо. По Комсомольскому, через мост и до самого Горняка. Не сворачивая. На Горняке дом-то какой?

Ладно, садись. Развернёмся, - высадишь. Волшебной палочкой тормознём кого из аборигенов и… До самого твоего дома с лоцманом впереди…

* * *

Меньше, чем через час, процесс восстановления рабочих кондиций Светкиной двери уже был в полном разгаре.

А сержант, прощаясь, перед тем, как обратно в «лоцманскую» машину сесть, даже взять что отказался.

- Куда? Да мне ещё день целый стоять на жаре. Стухнет твой творог! Яйца? Ну, ты даёшь? Где ты видел мента с жезлом в одной руке и авоськой - в другой? Чтоб весь твой Старый оборжался? Ладно, земеля, бывай. Ещё свидимся…

* * *

Не свиделись…

Так и осталась сказка, где-то там. Далеко-далеко в прошлом.

А что? Кто-то скажет, что не сказка?

Да как же? Проехать под «кирпич», нарушить правила, а не только наказания заслуженного избежать, но и с постовым в качестве лоцмана до самого места дойти. И за то даже платы какой справедливой не отдать…

Сказка.

Конечно, время совсем другое на дворе стояло. Товарно-денежные отношения только в учебнике политэкономии капитализма хорошо были прописаны.

Сейчас всеобщая монетизация сказывается.. Но и то, если уж приходится, - по делу и даже не обидно как-то... Во всяком случае, на подляну, как те же соседи Южно-областные, никто тебя не ловит.

Да и понимает народ. Нет, не брали... Не брали б наши, если б Москва жадно и ненасытно откатов тех не требовала.

* * *

Да, если кто забыл, что Сказку читает, так напоминаю... Какие такие, павлин-мавлин, товарно-денежные, монетизации, откаты? Да и Москва? Какая?!

И я там был, мёд - пиво пил...

---

[1]До Старого-то – Старый Оскол, районный центр Белгородской области

[2]ДиП – «Догнать и Перегнать» серия советских станков 1930-х — 1940-х годов. Название появилось, как результат частого цитирования слов из работы В. И. Ленина «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» (сентябрь 1917) - «Догнать и перегнать» (развитые капиталистические страны, позже — Америку) — со временем превратившихся в клише

[3]ОРС – Отдел Рабочего Снабжения, торговая организация. Что-то навроде сельпо

Дина Лебедева

Не отмолить любовь стихами

Теперь уж поздно говорить
О том, что летом было с нами.
Не отмолить любовь стихами,
Ушедший день не повторить.

Не разобраться нам с тобой,
Кто виноват был, кто не очень.
Дуэт наш мирный не закончить
Ни оправданьем, ни мольбой.

И не загладить той вины,
И не дойти до прежних истин.
Без прошлого наш день немыслим,
Мы нашей памятью пьяны...

Воображением хмельным,
В ночах бессонных с лихорадкой,
Где чувства были без оглядки,
Но мы, увы, обречены.

Не льется, - истекает боль.
Той пытки время не залечит.
Ты одинок, ты жаждешь встречи,
Но я храню в душе покой.

Оберегаю и холю...
Я вновь боюсь волны желаний.
И лишь во сне шепчу губами
Признанье прежнее: «люблю»...

Но умоляю, пощади...
Оставь надежду на свободу!
Мне выстоять тогда помогут
Порывы ветра, и дожди...

Я устою, такая малость...
Не будут в тяжесть жар и плен!
И грусть стихов моих взамен -
Не вызовут былую жалость...

Ты ни при чем, - виновна я!
Мне трудно будет в настоящем.
Но мне положено участье.
Прости, пожалуйста, меня...

Осыпается брусничник...

Осыпается брусничник под ногой,
К югу потянулся клин гусей...
Не хочу я пить за упокой.
Нет тревоги на душе моей.

Сколько лет и зим прошло с тех пор,
Сколько их, осенних, впереди...
«Осень жизни» - кто сказал сей вздор,
Палых листьев счет не разгрести.

Сквозь дожди - рябиновая грусть.
В клочья под ветрами облака.
Осень стала старше, ну и пусть.
С нею я сегодня так близка....

Предзимье...

Где нас нет, -
Еще радует взор золотистая осень
И сплетаются в косы
От зноя пожухшие травы...
Где мы есть, -
День ноябрьский порою не сносен...
Он въедается ржой,
Незаметно и как-то устало...

...холодит сквозняком,
Отбирает часы и минуты,
Серым снегом
Бинтует земли оголенные нервы...
Здесь рассветы с закатом
Единою цепью сомкнуты,
И не ясно порой,
Кто из них был на финише первым.

Равнодушно к живому -
Немое, глухое предзимье...
Бессердечно срывает
Остатки осеннего платья.....
Рассыпается льдом
Чье-то теплое, нежное имя,
Оказавшись в стальных,
Неизбежных зимою, объятьях...

Прошедшее время в сознании - брешью...

Прошедшее время в сознании -
брешью.
Очнувшись от сна, встретить серое утро.
Фасад освежить заграничною пудрой,
И в зеркале молча себя же утешить.

Нагнуться два раза, как будто зарядка,
Привстать на носочки -
почти балерина.
Метлой заодно снять с углов паутину,
И в зеркало снова -
всего лишь украдкой.

Привычная жизнь без скачков
и падений.
А где-то вдали полыхают зарницы,
Несутся и гибнут в огне кобылицы
С горячим дыханьем и
крупами в пене...

Эй, тпру, молодая! Давай-ка, стреножу!
Остынь, говорю!
Ты еще пригодишься...
Да что ты как птица
в неволе дрожишь вся,
А, может быть,
мы еще все-таки сможем...

Влетать в города,
брать призы и барьеры,
Дышать полной грудью
и росами мыться.
Туманность созвездий хранить
на ресницах
И счастьем своим
упиваться безмерно...

Да где там. Умчалась.
Что было, не склеить.
Насильно судьбу не связать,
не опутать.
За пылью дорог,
за расщелиной мутной
Запомнится время,
как будто бы нЕ жил...

Татьяна Вьюжная

В ночи

Под ясным пламенем свечи
Горит усталость непогоды,
Трепещут отблески — лучи,
Уходит тень под небосводы.

Шуршит за печкой домовой,
Сверчок до полночи стрекочет.
Летят по мокрой мостовой,
Кибитка режет сумрак ночи.

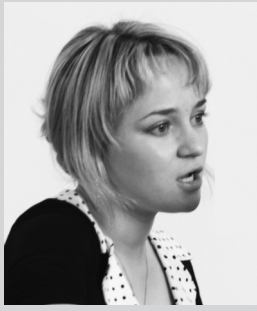
Цыган — кочевник удалой,
Конями лихо управляя,
Как запоздалый вестовой,
Спешит он, устали не зная.

Прощально гаснут фонари,
Ночные шорохи не слышны.
До самой утренней зари
Туманы — непоседы вышли...

Вечерние зарисовки

Блаженство — синяя прохлада
Лазурных волн у берегов...
Далёкий треск ночной цикады
Окутал гряды островов.
Лишь ветра шелест бесконечный,
Как говор белых бурунов,
Несётся парусом беспечным
Средь водной глади облаков.

И лунный блеск бросает небо,
Как жемчуга и серебро,
Рисует шлейфом быль и небыль,
Сплетаясь розою ветров.



Татьяна Дунаф

ОБОРОТЕНЬ

«Был волчонок, станет волк.
Ветер, кровь и серебро»

Обернулся — думал, не поверю.
Улыбнулся. Молодость и стать.
Как такому ласковому зверю
Свое сердце можно не отдать?

Утомился маяться без толку,
Видеть неразгаданные сны.
Привелось неистовому волку
Для меня волчонком стать ручным.

И как пламя мечется в камине,
Как орел стремится в небеса,
Так ночами синими, шальные,
Ноют волчьи лапы по лесам.

И глядят глаза его устало
В горизонт, где небо и земля.
Так уж повелось, что зверю мало
Серых стен и звезд из хрусталя.

А ему раздолья бы без края!
А ему бы ветра с шумом рек!
Я его люблю, но я не знаю —
То ли зверь он, то ли человек.

* * *

К родному краю сердцем не остыв,
Я полюбила это Заонежье...
Холмистое, крутое побережье
И озера заманчивый извив.
Я здесь как будто снова родилась,
К просторам этим сердцем
прикипела,
Душа звала измученное тело
Лететь, творить и радоваться
всласть.
А воздух теплый, словно молоко,
Разлит в рассвете сгустками тумана.
И нам с тобой еще прощаться рано,
Мне потому так дышится легко!..

* * *

Одинокий, рыжеет лес,
Ветер стонет, зовя в дорогу.
Ухожу, оставаясь здесь,
Тороплюсь, подождав немного.
А сентябрь — златогривый конь
Умирает в слепой надежде,
И осенний горит огонь
У подножья горы медвежьей.
В небе лунный огрызок ждал,
Сединой облаков распятый,
Отражения черных скал,
Горизонтом в объятья сжатых.
Не дождался... Растаял след,
Перепутались быль и небыль,
А медведица много лет
Улыбается в темном небе.

Андрей Насонов

Супрематизм осени

Жёлтая трава.
Синее небо.
Красный шарик
Из прыснувшей крови.
Треугольник осени.
Чёрный квадрат
Заоконной тьмы.
Белый круг...

*** * ***

синема неба
синие кадры
в каждом облако
и двадцать пятый
ангела

На митинге мгновенья

Пыль идёт, пыль летит
из невидимых туч,
заметая тебя, заливая пол,
плоскость стола,
глухие пределы полок,
следы на кухню,
превращая тебя в археологический факт.
И ты случайно узнаешь,
что она давно решила твою судьбу,
когда упадёт сквозь штору
утренний луч
и высветит
плотную её толпу
на митинге мгновенья.

*** * ***

божья коровка
голова буддиста
сколько точечная?
точённая
полети на небко
там мои бабки да дедки
передай им конфетки
а мне хватит фантика
жёлтого фантика

КОСМОС

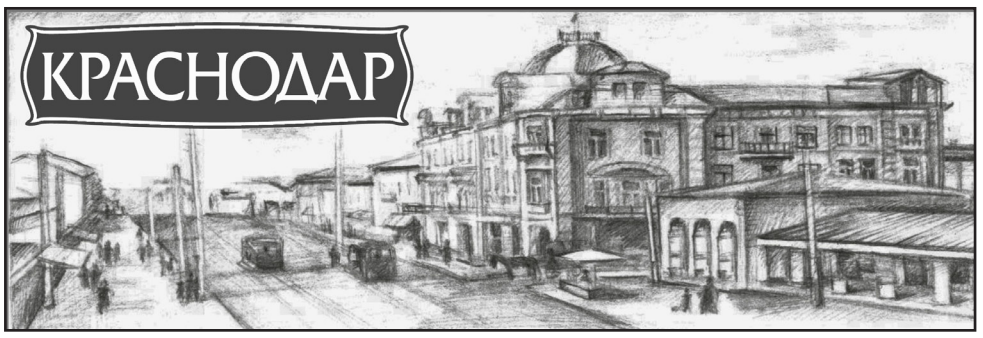
Космический корабль - сон анемии
о железе, желание глотка кислорода,
застывший в чёрном-чёрном мире,
даже не корабль, а лодка...
Тихо-тихо гулит в эфире
затёртый звук, уложенный в вату
тишины. Раз-два-три-четыре -
пространства много,
а времени маловато!

ПЕРСПЕКТИВА ПЕРЕЖИВАНИЙ В САДУ

Кровеносная система
Выпрыгивает из меня
Бешеной импульсацией
И бежит, как обезумевшее
Дерево, сквозь извилины
Треснувшей вазы дня,
В перспективу дней -
Являясь рисунком
Прошлого раненого грядущим
И застывает в саду
Очарованная неподвижностью
Античных статуй:
Яблонь, груш, черешен.

Надпись на двери в ночь

Осторожно! -
Не суй развилку пальцев
В розетку горящих глаз -
Убьёт!



В поиске хрустальных сфер…

…вечер ложится карандашным рисунком, облако кажет рыбий профиль в окно. Ощущение тайны.

А мы по ту сторону пейзажа: она стоит у окна чуть впереди так, чтобы я мог любоваться, как сквозь её полупрозрачное отражение густо осыпаются листья. Они сыплются так плотно, что всю неделю ни днём, ни ночью не прекращается шорох. О чём они шепчутся? Должно быть о нас.

Мы украдкой целуемся под этот шёпот.

Тайна опускается на землю: первые снежинки на ветках – словно крошки в бровях – срываются с облака. И ум, ветром увлечённый, отправляется в поиски хрустальных сфер.

Весь год между страницами блокнота…

Весь год между страницами блокнота жил ясеневый лист, Осень пришла, и я возвращаю его тебе, природа.

Зима. Молитвенная тишина. Паутины покрылись инеем.

Весна. Не хамите ангелам.

Бражником порхаю по скверам, ищу под скамейками бутыли и первые предосенние листья… а Лето в трусики одето.

Никогда

…мысль ясная, как слёзы.

Ветер. Весенние порывы. Как сейчас помню: мы пили вино, с неба сыпался град с винную ягоду. Четыре конфеты и печенье, вот всё, что осталось по чью-то душу.

Винные пары – мы, а слеза суть та же линза: позволяет видеть то, что незаметно для других.

Глаза зашторены давно…

Околица.

В память забытым строкам.

Дощатый забор, инкрустированный инеем и небо над ним цвета опавшей листвы. И во всей этой Осени странно дугой выгнулось облако. Волны шерсти на моём пальто удивительно рифмуются с облаком. За околицей полосы леса расчерчивают степь.

Я не видел никогда журавлей, я слышал всегда их гуленье. Эх, опять напутлял, как Микита в коноплях.

Осень незаметно улизнула от меня, её сменило начало Зимы: глубокий кобальт неба, морозная луна – редкость для наших мест.

Интересно, сколько на Земле нас – счастливых людей?

Орнамент.

Ты должен помнить этого человека: у него погибла Возлюбленная, и тогда он ножом вырезал её имя. Так иногда мы вырезаем на телах деревьев чувство, чтобы слово росло вместе с нами, в тайной надежде, что любовь переживёт нас. Видишь, какой орнамент на руке, его уже не забыть…

Вот он цветет – символ надежды: жёлтые глаза с чёрным зрачком, похожие на подсолнух. Ребёнок в нездешних мирах.

Слово осталось, а чувство – нет?

Подсолнух.

Жёлтые глаза с чёрным зрачком, похожие на подсолнух, устремляются вверх, сверкают над синим светом: молитвенно сложена наша листва. Вот он цветет – символ надежды - ребёнок нездешних миров. Он воедино скрепит мою речь и память, бережно хранимые между листками травника. Он!

Александр Мартусенко

Врач-психотерапевт, закончил Кубанский государственный медицинский университет, публиковался в журналах “Литературная учёба” (Москва), “Новый Карфаген” (электронная версия), альманахе “Ладомир” (Гулькевичи), местных СМИ; дипломант I степени всероссийского конкурса “Дети и книги” (номинация “Проза”, 2003 г.), дипломант II степени конкурса “Жар поэзии” (номинация “Проза”, 2008 г.).

Сезон дождевых рыб.

На улицах провинции Жуй-Жуй, что в наших восточных землях, лил такой дождь, что матерея семейств удили рыбу с балкона – она прыгала прямо на сковороду! В провинции Жуй-Жуй.

Проснулся он от того, что кто-то полз по его руке, щекоча её. Он открыл глаза: окно было раскрыто, и тюль, движимая ветром, как волна, то вздымалась, то ниспадала до холодной батареи, а по руке ползла жёлтая бабочка, совершенно не известная ему. Он долго смотрел на неё, пока она не доползла до кончиков пальцев, затем приподнял руку, и она улетела в распахнутое окно, оставив после себя воспоминание.

Он выпил любимый свой чай с не менее любимой долькой лимона, оделся и вышел на улицу. Совершенно окрылённый, он прошмыгнул мимо жанровой сценки:

Трамвайная остановка, сезон дождевых рыб. Стайка молодёжи над чем-то смеётся.

Три старушки неинтеллигентного вида: “Смеются! Как они себя ведут! Бу-бу-бу-бу-бу… Головорезы! Бу-бу-бу-бу-бу…, а ночью людей грабят”.

Мужичёк под мухой обращается к каждой: “Слышь ты, чё они тебе плохого сделали? Слышь ты, чё они тебе плохого сделали? А?”

Работяга: “Эй, мужик! Ты чё им тычешь, хочешь, чтоб я тебе по морде дал?” Идут друг на друга.

И всё покатилось… А молодёжь и трамвай ушли, встали на крыло и не вернулись. Никог-да. Так часто бывает в это славное время года.

Уже в парке он снова почувствовал знакомый щёкот: бабочка выползла из-за воротника, затем две вылетели из одного рукава и ещё четыре из другого. Неизъяснимая радость переполнила его, он сбросил с себя одежду и выпорхнулся стайкой лимонниц.

Иногда и счастье невыносимо, что особенно свойственно нашим широтам этого времени года.

Создал на рабочем столе папку “тоска”.

Пасмурно. Всё утро перед моим окном маячит собака. Что она ищет в промозглом пейзаже? Остаётся желать луч…

Каково деловито просматривать анализы, снимки и про себя отмечать: этому осталось столько-то, а этому столько-то. Или, быть может, сейчас я вскрываю сына великого писателя, или его самого. Привыкаешь. Бывает, однако, привезут девушку или ребёнка (их почему-то жальче), и так нахлынет… Лысый утопленник – проба лезвия на шее. В упор и холостой убивает.

Никогда не забуду Ц., я тогда ещё студентом был, заходим в палату – её бережно переворачивают, а на спине такие пролежни, что видны мышцы, их частое колебание, да что там говорить, пролежни были и на ушах. Первой мыслью-желанием было, чтобы она поскорей умерла. Так и случилось…

Или, вот ещё раньше… Не стоит, в другой раз.

Правлю духовные отчёты. Мечтается стоя на строительных лесах, увидеть своё отражение в куполе церкви.

Анна Мамаенко

ХОРОВОД

Слышишь, как дождь копытцами бьет?
Старая сказка запрыгнула на руки.
Ручку шарманщик слегка повернет –
бывшие недруги двинутся парами...

Дождь размывает дороги и след.
Закат под подушку прячет окраины.
Тихий кораблик, счастливый билет,
жмется к ногам, словно ищет хозяина.

Прячется время под фонарем.
Мимо проносятся люди и праздники.
Кажется, мы никогда не умрем,
как Дон Кихот в полированном тазике.

Как Санчо Панса на добром осле,
перемахнем на страницы бумажные,
где непременно встречаются все,
уже никому на свете не страшные.

Будут в камине дрова догорать.
Дверца за ним распахнется случайно.
Там нас научат обиды прощать
и сквозь дожди к себе возвращаться.

И полетит расписной хоровод,
за руки, с каждым движеньем крылатей –
летчик, что верил в свой самолет,
и мальчик, веривший в свой детонатор....

ЭРА ЗЕЛЕНЫХ ВОЛКОВ

Зеленые волки прячутся в листьях.
Никто их не видел, но я знаю – там они.
Аборигены с кожей землистой
сезон охоты объявят тамтамами.

Вождь племени поднимает руку.
Мужчины точат ножи и стрелы.
Деревня вся подчиняется стуку.
Никто из них не вернется целым.

Зеленые волки выходят ночью
и начинают брачные игры.
И если волк на волчицу вскочит –
родится новый Владыка Мира.

Аборигены волков боятся.
От зеленого цвета впадают в ступор.
И будет некому удивляться,
обнаружив землистую гору трупов.

На них травы поднимутся быстро.
На них деревья родятся скоро.
Никто не вспомнит, что прежде было.
Но каждый зверь обойдет стороною.

А зеленые волки в листве резвятся,
растят волчат с человечьим взглядом.
Скоро настанет пора сниматься,
идти за Черные Водопады.

Услышишь – листва открывает двери,
с темных ветвей рушась лавиной.
Это мчатся зеленые звери
миру дать нового Властелина.

*** * ***

Тихо-тихо падает листва.
Корабли отходят от причала.
Песня, что еще не прозвучала,
где-то растеряла все слова.

И летят в неведомой дали
части багажа и части речи.
Цепью грохоча, бежит навстречу,
лает притяжение земли.

Капитан давно сошел на нет.
Штурман сбился с правильного курса.
Под землей калачиком свернулся,
от Катюши передав привет.

Ночь шуршит и рушится листвой.
Съели крысы лоции и карты.
Больше мы ни в чем не виноваты,
значит – возвращаемся домой...

Анатолий Мовшович

Чродился в 1928 г. в Москве. В 1943-1945 гг. работал токарем на заводе, в 1949 – окончил Московский техникум связи и был распределен в Читу, где работал до 1960 г. Там же заочно окончил Московский институт связи. В Краснодаре живет с 1960 года. Член Союза российских писателей, автор одиннадцати сборников стихов и песен (в основном, для детей), в том числе: «Шел поросенок по росе», «Песенка по лесенке», «Слоны с Луны», «Азбука в стихах».

* * *

Случай с мячиком случился:
Мячик прыгать разучился:
Начал прыгать - не сумел.
Значит, мячик заболел?
Значит, мячик простудился?
Или он перетрудился?
Что ж, нести его к врачу?
Сам беднягу полечу.
Мяч верчу туда-сюда...
А ставить градусник куда ?

ЧУДО-ШУБА

Хорошо бы чтобы шубы
для смешливых малышей
широченные бы шили,
чтобы к шубе бы пришили
воротник на двадцать шей.
Чтоб пришили к этой шубе
сразу сорок рукавов,
чтоб ходили в этой шубе
двадцать Кать, Алён и Вов.
Вот тогда бы, вот тогда
все сказали: «Это да!»

И тогда бы в детсаду бы
вместо групп считались шубы.
Там бы стали объявлять:
«Шуба младшая, гулять!»
И никто бы не отстал бы.
Если б кто-нибудь устал бы,
он бы ножки бы поджал бы,
в рукавах бы повисел бы
и никто б не углядел бы.
А теперь пора спешить
эту чудо-шубу шить.

А ещё бы хорошо бы
чтоб была на всех всего бы
только пара бы сапог
со ступнёй на двадцать ног.
Ведь такие сапоги же
сразу б ехали как лыжи.
Ехать лучше, чем идти,
ну-ка, шуба, прокати!
Едут двадцать круглолицых
девочек и мальчиков.
По бокам две рукавицы,
в каждой по сто пальчиков.
Едут макушки смешных малышей
в шапке-ушанке на сорок ушей.
Двадцать носов, сорок щёк, сорок глаз
двести улыбок везут мимо нас.
Пар от всего, потому что мороз.
Прямо не шуба, а паровоз!

ГАВ-ГАВ

Что-то, где-то и когда-то
как-то двигалось куда-то.
И Кого-то для чего-то
разозлило чем-то что-то.
То-то Кто-то полон злобы:
"Где бы, как бы,
чем бы, что бы
сделать как-нибудь назло,
чтоб оно не доползло!"

Ну а что же это Что-то,
ну а кто же этот Кто-то? "
Это Что-то не ползет,
это поезд нас везет.
Этот Кто-то просто пес.
Он сердит на паровоз.

Он сердит на паровоз
не за стук больших колес,
не за то, что мчится мимо,
а за то, что много дыма.
Если все начнут дымить,
то после небо не отмыть.

У КОРОВЫ НА РОГАХ

Течёт река, над нею мост,
а у моста перила.
По тем перилам над рекой
корова проходила.
А у коровы на рогах
большой рояль стоял.
Я за роялем тем сидел,
я сверху в речку ту глядел
и рыбкам вальс играл.

ВЗРОСЛЫЕ

Взрослые, стоит лишь
к ним приглядеться,
и сразу увидишь,
как много в них детства.
И в папе и в маме,
и в строгом прохожем,
и в стареньких дедушке
с бабушкой - тоже.
Особенно это заметно бывает,
когда они что-нибудь,
вдруг, разбивают,
когда покупают
обновку с получки,
когда получают подарок
от внучки.
Они и смеяться умеют,
как дети.
Но все они взрослые -
взрослые эти.
И тем
отличаются от детворы,
что времени мало у них
для игры.

НУ И СКУКА

Там, где стенка обвалилась,
там, где грязь и теснота,
завелась и поселилась
злая скука-скукота.
Да не та, которых тыща
притаилась по углам,
а такая скукотища,
ну такая скукотища:
дурь со злобой пополам.
Завелись от скуки враки.
Начались от скуки драки.
Перессорились от скуки
люди, кошки и собаки.
В промежутках врак и драк
было слышно: "Скушно ка-ак!»

Оборвал мученья эти
налетевший свежий ветер.
Ветер крикнул на бегу:
"Помогу, могу, могу!.."
Все услышали, встряхнулись.
И как будто бы проснулись.
Принялись мести и мыть
(сразу стало легче жить).
А потом давай смеяться!
Скуки этого боятся.

Татьяна Лило

Родилась, выросла и живёт в Москве. Самые значимые награды: диплом 2-ой степени (звание «призер») в номинации « Поэзия» конкурс «Золотое перо Руси-2008», и 1-ой степени (лауреат) в ном. «Сказка в стихах» в «ЗПР- 2009».
Золотой диплом «Золотое перо-2011».

ЧУДЕСА

- Чудеса! Чудеса! –
Удивлялись Небеса,
Проверяли облака:
- Вроде, дырок нет пока...
Тучки – целы!
В чём же дело?!..
Может, солнце охладело?..
Греет солнышко как надо!
Почему же снег нападал?!
На газонах, на дорогах,
Снег
пушистый!
Снег,
ей-богу!
Вот, кружит пушинки Ветер –
Где ты взял снежинки эти?!
На дворе июнь,
А тут
Вьюги снежные метут!..
Свистнул, дунул тёплый Ветер:
- Это знают даже дети:
От зелёных исполинов
Снег пушистый тополиный!

Андрей Сметанин

Детский поэт. Родился в Крыму. Закончил университет экономики и финансов в Петербурге. Сейчас живёт в Минске. Писать начал в 2009 году. Член Товарищества детских и юношеских писателей Союза писателей России. Лауреат Международной литературной премии «Золотое перо Руси» 2010 и 2011. Автор десяти книг стихов для детей. Публиковался в периодических изданиях России, Белоруссии и Украины: Весёлые картинки, Чиж и Ёж, Костёр, Кукумбер , Лунтик, Простоквашино, Тошка и К, Фонтан, Качели, Электронные пампасы и мн. др.

КАК СТРАННО

Как странно?
Как странно?
Ну, правда же,
Странно?
Кусок рафинада
Исчез из стакана!
Он взял
И пропал,
Без следа испарился.
Но он же там был!
Он же мне не приснился.
Я видел, как папа
Кладёт его в чай.
А вы не встречали
Его невзначай?

Наталья Карпова

Таинственная страна

Я в этой стране не была никогда!
Должно быть, красивые там города!
Там всё необычно,
таинственно, странно...
Вот папу и тянет туда постоянно!
И он, отправляясь на свой самолёт,
Берёт чемодан... а меня не берёт!

Порой любопытно становится мне,
Чего же особого в этой стране?!
И летом он мчится туда и зимой -
Неделя, другая - и снова домой!
В большом чемодане
везёт мне обновки
Из этой... Ну, как её?
КО-МАН-ДИ-РОВ-КИ!

Не верьте соседу!

Сосед говорит,
что во вторник,
с балкона,
он видел
цветного,
в горошек,
дракона!
Какие драконы?!
Сплошное вранье!
Находится рядом
окошко моё!
Не нужно
мне больше
рассказывать
сказки!
Там был динозаврик!
Обычной окраски!

Татьяна Гетте

Родилась в 1958г., окончила Уральский политехнический институт им. С.М. Кирова в 1982г. Стихи пишет с 2010г. Печаталась: декабрьский номер поэтического журнала «Окна» в 2010г., журнал «Кукумбер» №4 2011г. Серебряный дипломант международного национального конкурса «Золотое перо Руси» 2011г. в детской номинации.

Переполох у Божьих Коровок

Застали родителей
Слёзы врасплох:
"Я платье носить
Не желаю в горох!-
Коровочка Божья рыдает,-
Ну, кто так детей одевает?!
Хочу я другую расцветку-
В полоску, а может быть,
В клетку!
Да ты посмотри только, мама,
Не платье на мне, а пижама!"
Сидит, оттирает горошки,
И нет настроенья у крошки.
" А в детстве,- шепнул папа маме,-
Мы были такими же сами!"
По лунной дорожке
Однажды Гармошка

По лунной дорожке

Решила попасть
На Луну.
Отправилась в путь
И с собой пригласила
Знакомую Песню
Одну.
Держась за ладошки,
Шагали две крошки.
С улыбкой смотрела
Луна-
В сияньи дорожки
Чудесная пара
Была хорошо ей
Видна.
Нет! Больше не хочет
В тоскливые ночи
Она оставаться одна!
И Песня лилась,
И звучала Гармошка,
И в такт им качалась
Луна!

Игорь Калиш

Родился в 1955 году, в г. Киев. В 1976 году закончил Липецкий Государственный Педагогический Институт, работал учителем в среднеобразовательной школе. С 1989 года проживаю в Нью Йорке, США. Начал писать стихи для детей с 2010 года. На конкурсе этого года, посвящённом Международному Дню Защиты Детей, оказался первым в десятке победителей.

О дружбе

Говорит Карась Ершу:
-Я со Щукой не дружу.
От её зубастой пасти,
В нашем озере напасти.

Растопырил Ёрш колючки:
-Это что ещё за штучки?!
Ты - мой друг Карась, не трусь,
За тебя я заступлюсь!

Не смотри что неказист,
Я отчаян и ершист!

Светлана Даниэль Дион

(Мадрид -СПБ-Нью Йорк)

ПОЭТ ПРОЗАИК БАЛЕРИНА

Президент Международной Ассоциации Граждан Искусства - М.А.Г.И. Член Союза Писателей России (МГО). Награждена Литературной премией и памятной медалью имени А. П. Чехова от Московской городской организации Союза писателей России -»за верное служение русскому слову». Награждена (МГО) дважды дипломом и памятной медалью им. А. С. Грибоедова (СПР) 2010 г. «за расширение литературных границ» и как лауреат конкурса- «И помнит мир спасенный» 2011 г. (Мадрид, Россотрудничество). Лауреат международного турнира русских поэтов зарубежья «Пушкин В Британии-2004. Член Всемирного клуба петербуржцев» . Лауреат премии газеты «Поэтоград» за 2010 год в номинации «Поэзия». Лауреат Премии журнала «Футурум АРТ» в номинации « лучшая публикация года - «ПРОЗА» за отрывки из романа «Записки ангела-хранителя», опубликованный в «Футурум АРТ» № 2 (25) 2010. В октябре 2010 года вошла в список 50-ти прозаиков 21-го века-рейтинг/опрос нелитетратурного сообщества.

Родилась в Ленинграде. Высшее образование получила в Колумбийском Университете (Нью Йорк) по специальности «международные отношения», с уклоном в филологию и астрономию. Профессиональная балерина. В «переломном» 1998 году, когда Светлана внезпно начала писать стихи и прозу, ей посчастливилось встретить в Нью-Йорке своего «литературного путеводителя» Надежду Семеновну Брагинскую, известного петербургского литератора и пушкиноведа, ведущую передачи «Живое слово» на РУССКОМ РАДИО «АЛЬЯНС"(США). Светлана пишет стихи на русском, английском и испанском языках. Автор четырех поэтических сборников, десяти в соавторстве, , и романа «ПОПРОШАЙКА ЛЮБВИ» - Ретро СПБ 2006. (Номинант Российской Лит. премии»Национальный бестселлер» -2006»).

Автор четырех сборников поэзии: «Не Дыши Без Меня» (Эрмитаж, США,1998 год),. «Тысяча и Одна Жизнь» (Блиц, СПБ 1998), «Кружево Времени» (Лимбус Пресс, СПБ, 2002), «Небесный Почтальон» Москва, 2010 Изд. Вест Консалтинг ' с диском песен на стихи поэтессы, (композитор и исполнитель Игорь Тукало). Стихи, написанные ею по-английски, были удостоены ряда наград и вошли в несколько антологий современной американской поэзии. Автор составитель (Совместно с Е. Литвинской Антологии МАГИ «МАГИческое слово») В 1999 году русская программа телевидиния (RTN) выпустила документальный фильм о литературном и балетном творчестве С.Дион - «Поэтический полёт русской Терпсихоры».

ПОЭМА ПОСЛЕДНЕЙ НОЧИ

(Обрывки стихов с посвящениями со сбоями ритма и рифмы)

1

....Ирине, матери моей, посвящается...

Последняя ночь –
Мать и дочь.
Закричать бы...
Но не кричится.
Упасть бы...
Но некуда.
Остановить бы
Дождь
За окном.
Ночь
Уговорить бы сжалиться...

Имя Матери Божьей
У медсестры на халате –
Мария склонилась над
Моей матерью...
В палате
Мария в белом,
С глазами усталыми,
Отводит взгляд.
Сколько недель подряд?
Я рядом с мамой –
Тающей, причащённой,
Холодеющей.
Освобождённой.
Тусклый больничный свет.
Мама, сколько нам вместе лет?
Тишина не дышит...
Встретим ли вместе рассвет?
Памплонские спящие крыши...
Стынущая рука в моей...
Родная самая.
Рука мамы.

Капли за окном – змейками вниз,
Становлюсь одной из них.
Тороплюсь, сбиваю соседку,
Вместе быстрее скользим,
Примкнули другие,
Ещё две, три, четыре...
Катимся, как дети с горки,
Увлекая такие же прозрачные
За собой...
Восторг.
Стоп.
В сугроб.
О лёд лоб.
Гроб?!
Коченеют руки...
Рама внизу. Обрыв.
Там не властны муки...
Скрип кровати.
Последняя капля воли.
Сброшена чешуя боли.
Отмена переливания крови...
Капельница.
Прозрачный пакет
С чудо-средством
От рака.
Вот он. – Но уже поздно.
И наложен запрет на слёзы.

«Мама,
В телефон плакал
Минуту назад
Тот, кто любил тебя
Много лет подряд...
Не узнал мой голос.
Передал «Прощай»
В трубку...
Слышишь, мама,
Дай руку,
Согрею,
Мы попросту не успели.
Мой младенец тоже тебя спасал:
Делили моё молоко на двоих.
Но тщетно. Пирога – причал.
Ветер стих...

Бред ли всё, мама?
Этот стон и крик
Живого скелета
С твоими глазами
Небесного цвета,
Летнего неба...
Расцветет сирень,
Придёт день
Букет не тебе
Дарить, а... могиле?
Болезнь или рок?
Нас Ангелы позабыли?
Где сила любви?
Лава бессилья.
КапЕль из иглы в вену...
Кто-то бесшумно
Пройдёт сквозь стену,
Я знаю, мама... Вот-вот...

Я дважды уже проиграла битву
За тебя, за твою сестру! Что –
Читала не те молитвы?
Я знаю, я тоже умру,
Так все, но не все – так.
За что, мои девочки,
Вам агония,
Сгорание, рак...
У меня на руках...
Шепчу:
«Отпущу – Прощу – Прости.
Последняя пытка.
Мама, возьми с собою
Улыбку
Моего сына.
Детский смех внука
Пусть излечит раны,
Что не лечит вечность
В краю Нирваны...»

Голос тишины многоликой:
«Я узнАю вас по цвету улыбки, –
Из-под закрытых
Пергаментных век, –
Так борются далеко
Не за всех
Матерей,
Дочурка, поверь...
Не столько всем суждено
Потерь.
И перед миром теней
Не бывает любви сильней,
Будь уверена в ней –
В дочерней любви твоей...
Отпусти – дай уйти...»
.....
Объятие.
Знаю: последнее.
Навсегда.
Руки матери –
Бессильные лоскуты
Сочатся любовью,
Замыкаются кругом
У меня на спине,
Сиделка им помогает,
Словно кукольник...
И что-то распорото
В ребёнке – во мне,
Склонённой над матерью, –
Вдали от жизни,
В чужой стране,
С дождливой ночью
наедине...

Все медленней бьётся сердце –
Наше – моё и мамы.
И капли гибнут,
достигнув рамы,
И новые – вниз повтором...
Сиделка
Не ушла после смены:
«Тебе впервые, а мне не ново.
Останусь. По эту сторону
Кровати.
Я знаю, кбк это – терять мать.
ЛЕГЧЕ САМОЙ УМИРАТЬ.

В палате –
Я, Мария и Мать.
Исчезает эхом
Щепотка минут...
Там свои уже ждут...
Но зов младенца, -
И ток материнства
В пружинах сердца,
Но лишь моего.
Ледяная ладонь мамы.
Общий ров. Яма.
И вспышка –
Открылись очи:
«Будь сильной,
Дай слово, доча,
Вырасти сына...
Всё хорошо.
Я жила не зря:
Ты светлая-светлая у меня...»

2

.....моему сыну....

«Виноградная гроздь – лоза»,
Parra – Парра,
На щечке – родинкою слеза...
Рукою милости или кармы?

Смысл имени сокровенный
Разгадан душой.
Мой единственный и мой первый
Рождён на земле чужой...
Совпадений блики.
Мой сын Энрике,
Вдвоём с тобой я шла
(Нет – втроём с судьбой)
Босиком по осколкам стекла,
Я тебя на руках несла
В то хмурое утро,
Когда выдавали урну,
С именем мамы...
Выбирала футляр (не яму),
Вас двоих прижимая к груди,
На плечах – вместо шали – тучи...
В тот день я стала могучей.
Или это ты – из завтра –
Шёл впереди,
А за тобою ребенком – я?
Спасенья карта...
Спирали пути...
Молитва отчаянья –
«Мама, прости...»

Энрике «Лоза»,
В ту ночь в вещем сне
Рыдала гроза.
В пустынной стране
Ты мечом рубил скалы,
Пролагая нам путь.
За тобой я едва поспевала,
(Тенью за нами Грусть),
Из глаз – капли дождя.
Я опиралась на два локтя,
Кто справа – и слева?
Ангелы Хранители –
Мои небожители? –
Рассмотреть не посмела...
С того дня – за тобой
По тонкому льду,
Не касаясь земли,
Над бедой,
Над студёной водой,
Цепляясь за наше небо...
В то памплонское утро
Младенцем ты не был,
Знаю,
То крылья твои,
Мой ангел,
Шумели над нами,
Когда наше горе,
Словно цунами,
Покрыло землю
У нас под ногами...

Энрике,
Ты ещё не умел ходить,
И мы вместе учились жить –
Шаг за шагом.
Рассвет за рассветом.
Ночь за ночью.
Ответ за ответом.
Вместе, даже когда мы врозь,
О, моя Виноградная Гроздь!

3

.....Посвящено Н. Джину.....

Времени Горсть.
В горле Гвоздь.
И между капель
В больничных окнах
ПисАл мне кто-то
Строки и ноты,
Родные стихи...
Скажи, мой друг,
Ты в тот миг был рядом?
Ты, кто при жизни
Звался Нодаром,
Ускользнул из снов?
Обрывки твоих стихов,
Забытые много лет, –
О любви, о нас,
И в тот жуткий час
Твой ответ:
«Смерти нет».
Лишь синь...
И струящаяся
Световая мысль,
Словно ток:
У каждого цвет
Невидимый
И обет
Исполнить долг.
Мужайся.
Придёт рассвет,
Твой первый,
А мамы навеки нет.
Вынут иглу из вены –
Знаменье конца...
Чуть изменённый оттенок
Души и лица...
Но будет и свет...
Ещё –твой секрет –
Строчки гонца
В каплях дождя
В ту ночь для тебя
Пролитые свыше.
Исповедь сердца тише и тише,
Небо бездонное ниже и ниже,
И самое дальнее ближе и ближе...

«Интеллигент» г. Москва. **Учредитель:** Сергей Пашков,. **Главный редактор:** Дина Лебедева. **Зам. главного редактора:** Вячеслав Барыбов. **Художественный редактор:** Наталья Гордеева .**Технический редактор:** Сергей Пашков. **Редакционный совет:** Нина Большакова (США), Андрей Сунгуров (Россия), Юрий Тубольцев (Германия). **Детская страница:** Ольга Аксенова. **Верстка:** Сергей Истомин. **Корректор:** Татьяна Вьюжная. **Художник:** Маргарита Рогозик (Петрозаводск). **Телефон редакции:** +79114149582 (с 14.00 до 21.00). **E-mail:** provint@yandex.ru. **Отпечатано** в типографии ООО «РИЦ«Вяйнола», 186930, г. Костомукша, ул. Строителей. **Тираж** 250 экз. **Заказ №**_____